О ГАЗЕТЕ «МАЯК» И О СУДЬБЕ ЕЕ ИЗДАТЕЛЯ

Юрий Сидяков

Газета «Маяк» выходила в Риге очень недолгое время в начале 1920-х годов, тем не менее, какой-то след в истории русского национального меньшинства в Латвии она, безусловно, оставила. Обращаюсь к событиям, связанным с изданием этой газеты, отчасти потому, что имею возможность сообщить некоторые (хоть, правда, и очень немногие) сведения о трагической судьбе ее издателя Павла Григорьевича Рубисова, которые в настоящее время известны, вероятно, уже только мне одному. Поскольку П.Г. Рубисов приходится мне прадедом, я еще помню какие-то рассказы старшего поколения семьи о нем, остались какие-то документы и в семейном архиве.

Газета «Маяк» издавалась всего лишь один год: первый номер вышел 26 июня 1922 года, последний — 7 июня 1923. Причиной прекращения газеты явилась гибель ее издателя, последовавшая 8-го июня 1923 года. Официально причиной смерти был признан несчастный случай. П.Г. Рубисов погиб, попав под колеса поезда.

В газете «Сегодня» от 10 июня 1923 года (№ 122) по этому поводу сообщалось следующее: «8 июня, около 4 час. дня, жертвой несчастной случайности погиб Павел Григорьевич Рубисов; он попал под поезд недалеко от станции Дуббельн. Покойный пользовался большой популярностью в русских общественных кругах в качестве деятельного члена многих организаций, благотворительных и культурно-просветительных начинаний.

Как дополнительно сообщают, несчастье произошло в 4 ч. 35 м. дня, на перегоне между станциями Карлсбад — Ассерн. Рубисов, попавший под поезд, шедший из Туккума в Ригу, был перерезан пополам. Смерть наступила мгновенно. По делу начато следствие».

Такая версия была высказана в печати. Однако в семье полагали, что гибель издателя «Маяка» не была результатом несчастного случая, но самоубийством. Причиной трагедии явилось банкротство, вследствие краха газеты.

В связи со всеми этими обстоятельствами, неприятными и тяжелыми воспоминаниями говорить о гибели П.Г. его дочери обычно избегали, да и вообще, сколько помню, упоминали о нем крайне редко. В результате, сведений о П.Г. Рубисове в семейной памяти сохранилось мало. Почти ничего не могли рассказать о нем его внуки — мои отец и дядя — Лев Сергеевич и Кирилл Сергеевич Сидяковы, а также их двоюродная сестра Ариадна Сергеевна Морозова, у которых я пытался, когда уже ушли из жизни люди, непосредственно помнившие издателя «Маяка», что-то о нем узнать.

Однако мне памятен рассказ, слышанный мною еще в детстве от моего деда Сергея Николаевича Сидякова. Сколько помню, тогда гибель своего тестя он приписывал несчастному случаю. Если мне не изменяет память, даже упоминались конкретные обстоятельства несчастья: будто П.Г. Рубисов попал под колеса поезда, переходя из вагона в вагон (об этой же версии позже упоминала и А.С. Морозова). Переходы в то время были открытыми, ограждений практически не было никаких — только довольно тонкие поручни, находившиеся примерно на уровне бедра (такие вагоны продержались на пригородных направлениях вплоть до второй половины 1960-х гг., лишь к

началу 70-х они были окончательно вытеснены дизельными поездами). Поскользнуться или оступиться во время движения поезда и очутиться на рельсах при таких переходах было вполне возможно.

Правда, рассказ этот мог быть адаптирован применительно к моему тогдашнему детскому возрасту (мне было 9 лет). В мемуарах, написанных в начале 1940-х годов, С.Н. Сидяков подтверждал сложившееся в семье мнение о том, что гибель прадеда простой случайностью, по-видимому, не была.

Приведу с некоторыми сокращениями соответствующий фрагмент из рукописных воспоминаний С.Н. Сидякова:

«Семейство Камкиных[1] с конца мая переехало на взморье на ту же дачу, где они жили в прошлом году. 7-го июня отец Лиды[2], Павел Григорьевич Рубисов, уйдя из дому, больше домой не вернулся. Последнее время он вообще производил впечатление какого-то потерянного человека, видимо занятого какими-то навязчивыми мыслями. Его исчезновение, конечно, встревожило Камкиных и весь день 8-го его всюду тщетно искали. А 9-го июня пришло ужасное известие: его тело, разрезанное пополам, было обнаружено на рельсах недалеко от Дуббельна. Сначала думали, что это несчастный случай, но немедленно обнаружились страшно запутанными его денежные дела; появилась масса векселей и не только с настоящими, но и подложными подписями. Павел Григорьевич был всегда крайне непрактичен и доверчив к людям. Широко участвуя в общественной жизни, он дал своим многочисленным «друзьям» возможность втянуть себя в разные сомнительные аферы <…>. Попытки его выбраться из этих сетей окончились неудачей, он запутывался все более и более, наступил срок векселей, все должно было открыться, грозил скандал и, не видя иного выхода, он решил покончить с собой и бросился под поезд. <…> <Похороны состоялись> 11 июня в Дуббельне, на кладбище которого была похоронена маленькая сестра Лиды. <…> Отпевали П.Г. в Дуббельнской церкви. Гроб был открыт, но изуродованное тело сплошь покрыто покрывалом. Было много народа, пел хороший хор, все было благочинно и хорошо. После отпевания гроб отвезли на кладбище, где над открытой могилой говорили друзья покойного — прот. Шалфеев и еще кто-то из общественных деятелей. Но их слова для подавленной семьи звучали как-то фальшиво; ведь именно из-за этой деятельности покойный и дошел до своего трагического конца».

Однако, думается, совершенно исключать возможность несчастного случая в этой истории все-таки нельзя. Положение П.Г. Рубисова, несмотря на всю очевидную серьезность, не было совершенно безвыходным. Его зять, М.Е. Камкин имел довольно большое состояние и, вероятно, мог помочь. Человеком он был, сколько я его помню, добрым и отзывчивым. Скупым, очевидно, также никогда не был: известно, что он принимал широкое участие в различных благотворительных начинаниях. Его супруга, Валентина Павловна, возглавляла благотворительный Дамский комитет, действовавший при русском Национально-демократическом союзе (в этом комитете участвовали и трудились также ее младшие сестры). Каким-то образом Камкины материально поддерживали Русский драматический театр в Риге (подробности мне не известны, но упоминание о самом факте слышать приходилось). После гибели прадеда М.Е. Камкин взял на себя покрытие его долгов (об этом также сообщается в мемуарах С.Н. Сидякова). Однако обратиться за помощью к родным П.Г. Рубисов мог и постесняться.

Существует еще одна версия краха газеты и причины гибели ее издателя. Принадлежит она Л. Королю-Пурашевичу (бывшему некоторое время сотрудником «Маяка»). Он связывал крушение издания с действиями некой темной руки, постоянно препятствовавшей созданию в Латвии «истиннорусского» печатного органа. «Эта рука, — писал Л. Король-Пурашевич, — погубила и газету «Маяк», и ее издателя Рубисова. Она же нанесла удар и «Саламандре», она же неутомимо воздвигает преграды на пути всякого русского начинания и всячески мешает русским сплотиться в одно целое». Однако, если учитывать особенности личности свидетельствовавшего (журналиста, пользовавшегося весьма скандальной репутацией), версию эту можно отнести лишь к области фантастики[3].

В дополнение к истории гибели П.Г. Рубисова приведу еще несколько штрихов к его портрету, также нашедших отражение в цитированных выше мемуарах. Во-первых, это описание впечатления во время первого посещения С.Н. Сидяковым дома Рубисовых: «<…> Павел Григорьевич Рубисов был господин среднего роста, очень сухощавый, с усами и маленькой бородкой, живой, подвижный и

очень разговорчивый». Кроме того, в эпизоде, где говорится о праздновании помолвки С.Н. Сидякова и Л.П. Рубисовой: «<…> многоречиво говорил Павел Григорьевич Рубисов, сводящий почему-то под конец свою речь с личной почвы на общественную деятельность <…>».

Вот, пожалуй, и все, что мне на сегодняшний день удалось найти и собрать об издателе «Маяка». Теперь перейду к характеристике самой газеты.

Первый номер «Маяка», как уже упоминалось, вышел 26 июня 1922 года. Под названием было указано направление газеты. Вначале «Маяк» именовался «русской внепартийной газетой». Однако около двух месяцев спустя (с 14 августа) издание уже определяется как «рус-

Маякъ
РУССКАЯ ВНѢПАРТІЙНАЯ ГАЗЕТА.
Понедѣльникъ. 26-го іюня 1922 г. № 1.
Убійство Ратенау. — Убійство Вильсона.

Первый номер "Маяка"

ская общественно-политическая газета». Это было гораздо ближе к истине, ибо фактически с самого начала «Маяк» являлся органом Национально-демократического союза русских граждан. К Национально-демократическому союзу принадлежали и издатель газеты и ее редактор — Н.Н. Бордонос (входивший в правление этой организации). Газета с первых же номеров заняла совершенно определенную партийную позицию, тем более, что выходить она начала накануне выборов в Первый Сейм. Особенно активную борьбу редакция вела против Русского общества в Латвии, возглавлявшегося В.А. Пресняковым. Возникло это общество в результате произошедшего в Национально-демократическом союзе раскола[4], поэтому борьба носила особенно яростный характер. Этими причинами, в частности, объясняются и резкие высказывания «Маяка» о газете «День», издававшейся Н.В. Павловым при участии проф. К.И. Арабажина[5], и нападки на самого К.И. Арабажина, занимавшего с точки зрения редакции «Маяка» двойственную позицию в определившемся противостоянии и борьбе[6]. Явно политические же причины повлияли и на изменение отношений «Маяка» к субсидировавшейся польским правительством газете «Рижский курьер»[7].

Первоначально «Маяк» выходил раз в неделю — по понедельникам (в тот день, когда газеты по большей части в продажу не поступали). С 10 августа (с 8-го номера) «Маяк»

Маякъ
РУССКАЯ ОБЩЕСТВ.-ПОЛИТИЧ. ГАЗЕТА.
Понедѣльникъ. 19-го февраля 1923 г. № 63.
Утреннія телеграммы.

Вид газеты после перехода в типографию общества "Саламандра"

начинает издаваться два раза в неделю — по понедельникам и четвергам. Такая периодичность сохранялась вплоть до закрытия газеты.

Формат листа также менялся. Вначале он составлял примерно 29х46 см.[8], затем (с 25 сентября, № 21) формат листа становится 31х48. С 19 февраля 1923 года печатание газеты переносится в типографию товарищества «Саламандра» (куда вошло и предприятие Р. Зальпиуса, ранее печатавшее «Маяк»). Формат листа вновь меняется и становится 32х52 см. Таким он оставался до прекращения газеты. Переход в новую типографию отразился и на внешнем виде издания — иной вид получил логотип названия. Однако новый логотип продержался недолго — всего 7 номеров, затем по каким-то

причинам был возвращен прежний. Полиграфические возможности газеты с переходом в новую типографию заметно расширились, ее внешний вид явно улучшился.

Объем газеты также не оставался неизменным. Первый номер вышел на 4-х страницах, объем номеров со 2-го по 4-й возрос до 6 стр. 5-й и 6-й номера — вышли на 8 страницах. Затем до конца издания объем номера, как правило, составлял 4 страницы. За все последующее время было лишь 2 исключения: 17 номер составил 6 страниц (за счет размещения в нем рекламы новых учебников) и еще 75-й — пасхальный номер также вышел на 6-ти страницах.

Задачи, которые ставила перед собою газета, были сформулированы в редакционной статье ее первого номера: ««Маяк» — орган русский национальный, но совершенно чуждый шовинизму. Уделяя предпочтительное внимание русскому населению Латвии, «Маяк» будет возможно полно и беспристрастно освещать местную жизнь и содействовать сближению всех населяющих Латвию народностей. Одной из наших задач будет отстаивание прав меньшинств, как русского, так и других, на сохранение дорогого им национального облика в сфере духовной жизни, согласно господствующим началам самоопределения».

Программа и разделы, предполагавшиеся в издании, были представлены в рекламном сообщении о подписке, помещенном во втором номере «Маяка». В газете были обещаны: «1) Статьи по политическим, экономическим и общественным вопросам; 2) Обзоры внутренней и заграничной жизни; 3) Статьи по литературе, науке и искусству; 4) Беллетристика, поэзия; 5) Фельетоны; Критика и библиография; 6) Спорт; 7) Жизнь в Сов. России; 8) Широкое освещение жизни русских эмигрантов; 9) Телеграммы, корреспонденция, хроника и прочее». «Имеются собственные корреспонденты во всех странах мира» — об этом также сообщалось в рекламной заметке. Последнее впрочем, было явным преувеличением. Как явствует из последующих рекламных объявлений, заграничными сотрудниками «Маяка» были лишь: Г.И. Алексинский и Л.И. Шпринк (Париж), В.С. Белокуров (здесь собирательно было обозначено — Африка) Ю.А. Григорков (Гельсигфорс), проф. О.И. Брок (Христиания) и И.Н. Заволоко (Прага) (см.: № 20, с. 4). Начиная с № 28, к этому списку был еще добавлен Б. Немиров (Берлин). Хотя, судя по соответствующим указаниям в некоторых статьях, получаемые редакцией специальные корреспонденции из-за рубежа не ограничивались авторством перечисленных здесь сотрудников, в действительности число их было несколько шире.

Упомянуто было среди участников газеты и имя А.И. Куприна. Однако сотрудничество Куприна с «Маяком» было недолгим. Писатель поместил в газете всего лишь три своих не особенно значительных произведения, к тому же ранее уже публиковавшихся в других русских заграничных изданиях. Это — рассказ-миниатюра «Сказка» (№ 5), статья «Страшный суд» (№ 16) и очерк под названием «Отцы и дети: уголовный роман в двух частях» (№ 46)[9]. В 1923 г. имя Куприна из списка сотрудников «Маяка» исчезает.

Основными авторами, печатавшимися в газете, были ее редактор Н.Н. Бордонос, Л. Король-Пурашевич (проявлял большую активность в 1922 году, однако в 1923 газету покинул), Д. Лихтенштейн (печатался под псевдонимом — А. Чужой), В. Гадалин (псевдоним Василия Владимировича Васильева, сотрудника многих рижских изданий), Александр Михайлович Перфильев (псевдоним — Александр Ли, печатался в «Маяке» также и под своим именем), Е. Магнусгофская (настоящее имя — Елизавета Кнауф), Михаил Миронович Цвик (печатался под псевдонимом — Мих. Миронов; кроме «Маяка», сотрудничал почти со всеми рижскими газетами).

Если говорить о содержании «Маяка», то тут доминировала главным образом латвийская тематика. Иностранные события, хотя и освещались, но определенно ощущалась нехватка собственных заграничных корреспондентов. Для составления достаточно интересных аналитических обзоров авторов также явно не хватало. Хотя что-то в этом жанре в газете и печаталось, уровень был не особенно высоким.

Местный материал освещался преимущественно русский. О белорусском национальном меньшинстве также говорилось часто и много. В связи с этим довольно широко была представлена в газете Латгальская тема. Много внимания уделялось русской школе; в хронике публиковалось недельное расписание лекций на курсах учителей.

Освещалась в газете также и деятельность сначала Учредительного собрания, затем Сейма.

Как было обещано в рекламном сообщении, жизнь в Советской России и жизнь русской эмиграции оказывалась одной из центральных тем газеты. События, происходившие в Советской России, вызывали у авторов «Маяка» исключительно негативное отношение и изображались в трафаретных для эмигрантской прессы формах. О положении русских эмигрантов в разных странах мира в основном сообщалось в виде краткой хроники, иногда помещались и более пространные статьи на эту тему.

П.Г. Рубисов с семьей

Литературный отдел высоким качеством не отличался. Здесь, по-видимому, сразу возникли проблемы. До 11 номера, если не считать «Сказки» Куприна, беллетристического отдела вообще не было. Поэзия, печатавшаяся в «Маяке», была весьма бледной и в основном представлялась местными силами — это стихи Е. Магнусгофской, Гадалина, Перфильева — Ли, Миронова; в последних номерах появился еще и Н. Истомин — все это были авторы, не отличавшиеся особенно высоким поэтическим дарованием. Но среди прочего было напечатано и одно стихотворение Сирина, также Бальмонта; Блока, Волошина.

Проза также в основном не отличалась изысканностью. Если не считать Куприна и промелькнувшего однажды имени Бунина, из тех авторов, чьи имена более или менее известны, можно разве еще назвать Евг. Чирикова. В основном же беллетристический отдел был заполнен сочинениями Кормчего (Л. Короля-Пурашевича), Чужого (Л. Лихтенштейна) и тому подобным. Все это были, главным образом, сочинения в духе антисоветского политического детектива.

Печатались в «Маяке» также и очерки о русских писателях и ученых: о Дрожжине, Федоре Гаврилове (народный поэт-самородок), о А. Грине, Немировиче-Данченко, Мамине-Сибиряке и др. К 30-летию литературной деятельности Горького также была помещена статья. Промелькнули и публикации о Гумилеве, Андрее Белом, Блоке.

Обычным явлением на страницах «Маяка» оказывались театральные обзоры. Вначале это была одна общая рубрика: «Театр, кино, кабаре»; позже появляется специальный раздел, посвященный уже исключительно театру. Более всего здесь писалось о Театре русской драмы — о бенефисах, гастролях и т.п. В связи с этим сообщались и разного рода сведения об актерах, помещались их биографии. Газета дает довольно много информации о театральной жизни того времени. Писались эти обзо-

ры преимущественно редактором «Маяка», скрывавшегося под псевдонимом Н. Энбе[10].

Таковым в общем виде было содержание газеты. Конечно, при довольно скромных возможностях «Маяка» удержаться ему на рижском газетном рынке и конкурировать с гораздо более содержательной и лучше организованной газетой «Сегодня» было трудно. Судьба издания, явно не имевшего к тому же никаких дополнительных субсидий и доходов, по сути уже с самого начала была предрешена.

В дополнение к данному очерку прилагается также и подборка материалов из газеты «Маяк». Эта подборка даст возможность получить более ясное представление об издании. Кроме того, она также содержит сведения об общественной жизни Латвии начала 1920-х годов. Полезными могут оказаться и публикуемые биографии артистов рижского Театра русской драмы, печатавшиеся в свое время в «Маяке».

Примечания

[1] Старшая дочь П.Г. Рубисова, Валентина Павловна, была замужем за М.Е. Камкиным, владельцем крупной продовольственной торговли.

[2] Имеется в виду жена С.Н. Сидякова – Лидия Павловна Сидякова (до замужества – Рубисова).

[3] См. об этом: Флейшман Л.; Абызов Ю.; Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Книга 1: На грани эпох. Stanford, 1997. С. 123.

[4] Данную с точки зрения Национально-демократического союза версию причин раскола см. в публикуемом ниже очерке Н. Бордоноса «Русская общественность в Латвии». См. также: Фейгмане Т. Русские в довоенной Латвии: На пути к интеграции. Рига 2000. С. 177-179.

[5] Еженедельная газета «День» также начала выходить в 1922 году в предвыборную пору и просуществовала весьма недолго – вышло всего лишь 9 ее номеров.

[6] См. особенно резкие выпады против К.И. Арабажина в публикуемой ниже подборке материалов из «Маяка» – в статьях «И нашим и вашим» и «Ради нового мундира». См. также ответ К.И. Арабажина на страницах газеты «День» («Новые Булгарины и дубровинцы» – № 3, с. 5).

[7] Следует отметить, что ряд сотрудников «Маяка», в том числе и его редактор Н. Бордонос, перешли в газету из «Рижского курьера».

[8] Точно определить формат сейчас едва ли возможно, поскольку в библиотеке при переплетении подшивок листы, определенно, обрезались.

[9] Позже вошли в издания: первое произведение – в 7-й том девятитомного собрания сочинений Куприна (М., 1973, с. 270-271), остальные два – в сборник: Куприн А. Хроника событий. Глазами белого офицера, писателя, журналиста. 1919-1934. М., 2006.

[10] Раскрытие псевдонима см.: Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии 1917-1944: Библиографический справочник. Ч. 1. Stanford, 1990. С. 190.

Материалы из газеты «Маяк»

1922

ОЧАГ КУЛЬТУРЫ

Летом перед массой русского юношества, окончившего среднюю школу и не могущего попасть в Высшую Школу Латвии, возникает вопрос, где продолжать образование.

Имеются в Риге русский Народный Университет и Русские Университетские Курсы. Этих двух учреждений не следует смешивать. Хотя хозяева народного университета и пытаются изображать из него высшее учебное заведение, но это не так. Народный университет основан был при Русском Обществе в Латвии по инициативе профессора Арабажина для *популяризации* научных знаний. Вслед за уходом г. Арабажина из состава Русского Общества, во главе университета стал некто Вергун, после чего народный университет, в преподавательский состав которого попали люди даже без высшего образования, стал хиреть и не был в состоянии довлачить свое существование до приличного окончания учебного года: посещали его несколько слушателей, затем два, один и, наконец, дело сошло вовсе на нет.

Русские Университетские Курсы, основанные группой профессоров с К.И. Арабажиным во главе, согласно уставу своему, являются *ученым учреждением и высшим учебным* заведением. Открылись они несколько поздно, 16 октября, при мало благоприятных условиях: без предварительного в течение каникул оповещения и после того, как правительственная субсидия была уже отдана народному университету. Однако постановка дела (душой которого был д-р И.В. Гольдштейн, недавно покинувший Ригу) сама себя оправдала, и Рус. Унив. Курсы закончили учебный год нормально, заключив его экзаменами. С сентября занятия на Курсах возобновятся, на юридическом и историко-филологич. факультетах. Кроме того, вследствие большого требования со стороны учащейся молодежи, открывается при Курсах в сентябре *педагогическое отделение*. Прослушавшие пер-

вый годичный курс этого отделения получат право преподавать в основных школах.

Пишущий эти строки, в свое время окончивший Киевский Университет, находил большое удовольствие, когда досуг позволял ему послушать на Унив. Курсах лекцию Арабажина по истории рус. литературы, Рончевского по истории искусств, Грибовского по госуд. праву или Лазерсона по общей теории права, Вайнтроба по философии, Тупицына по биологии или проследить опыт психолога Тутышкина. На лекциях Центнершвера нередко можно было в числе слушателей встретить учителей средней школы. Вообще, посещение лекций лицами со вполне законченным образованием было не редкостью.

От души желаем доброму начинанию не заглохнуть и в предстоящем учебном году.

Н. Н. Б.

(№ 1, с. 3)

МНИМАЯ РУССИФИКАЦИЯ ЛАТГАЛИИ

Возникшие в Учредительном Собрании прения по белорусскому вопросу перенесены в прессу. Депутат-латгалец Кемпш, выступивший на днях в Учред. Собр. с возражениями против ассигнования кредита на содержание Белорус. Отдела при министерстве Образования, поместил затем в латыш. «Новейших Известиях» (№ 139) обширную статью, в которой громит белорусское национальное движение в Латгалии.

Хотя латвийский народ, в лице своих избранников, и выразил уже ассигнованием названного кредита свое отрицательное отношение к доводам деп. Кемпша, однако заключающиеся в статье его извращения действительности заставляют нас посвятить несколько строк восстановлению истины.

1. Неверно утверждение г. Кемпша, что белорусы Латгалии суть не что иное, как русифицированные латгальцы, в равной мере владеющие и белорусским, и латгальским языком, потому что в Латгалии есть волости, где *совершенно не понимают* латгальского наречия.

2. Неправда, что белорусы исключительно «строгие католики»: из 70,000 белорусского населения только половина католиков, а остальные — православные, единоверцы и другие.

3. Неправда, что белорусам говорят проповеди на латгальском языке. А есть в восточной Латгалии ксендзы (за исключением 2–3, говорящих проповеди по-белорусски), которые предпочитают говорить проповеди и белорусам, и латгальцам не на латгальском, *а на польском языке и заставляют население молиться на польском же языке*.

4. Неправда, что у белорусов нет учебников на белорусском языке и что *все* школы вели обучение *только* на великорусском языке; г. Кемпш отлично знает, что белорусские издательства имеют достаточно учебников и для основной, и для средней школы и что временное пользование старыми русскими книгами наблюдалось только в тех старых русских школах, посещаемых белорусскими детьми, которые только в середине, а то и в конце учебного года перешли из Русского Отдела в ведение Белорусского и ныне должны постепенно переходить на белорусский язык. Переходное явление это наблюдается не только у нас, но и в работе других Отделов.

5. Неправда, что литовское общество «Аушра» занималось литвинизированием белорусов; наоборот, общество это всегда работало в тесном контакте с белорусскими организациями. Благодаря литовско-белорусской дружбе, в Литве существуют не только белорусские национальные школы, но и особое министерство по белорусским делам и даже особые белорусские воинские части. Здесь уместно напомнить, что эти солдаты принимали участие и в борьбе Латвии за ее независимость (Иллукстский уезд).

6. Утверждение, будто белорусское движение в Латвии создано великорусскими кругами, ни на чем не основано. Наоборот, последнее выступление в Учр. Собр. русского депутата В.А. Преснякова могло бы служить только опровержением этого.

Мы совершенно оставляем без внимания те места статьи г. Кемпша, в которых он делает разные намеки на личности руководителей белорусского движения, а также и на самое движение, характеризуя его как противонародное и опасное для государственности Латвии, ибо твердо верим в трезвость ума латышского народа и умение его разобрать, где истина и где ложь; но не можем оставить без категорического протеста явно несообразное предложение г. Кемпша *превратить белорусов в латгальцев путем усиленного искусственного ассимилирования их*. До таких предложений редко договаривались даже российские черносотенцы типа Маркова II, и об этом не всегда решаются вслух мечтать узкие польские националисты.

Белорусы Латгалии не тянутся ни к Москве, ни к Витебску; не желают они познавать и западную культуру в польской редакции и чрез посредство Варшавы, но, являясь

гражда<на>ми Латвии, целиком тяготеют к Риге и здесь ожидают найти удовлетворение и защиту своих национальных интересов.

(№ 2, с. 1)

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЛАТВИИ

(в комиссии Учр. собр.)

В одном из заседаний комиссия учр. собр. по основным законам приступила к рассмотрению представленных меньшинствами законопроектов о пользовании родными языками. Возникшие по поводу этих законопроектов прения настолько характерны для выяснения отношения политических групп большинства к вопросу о практическом осуществлении принципа культурной автономии меньшинств, что условия прохождения этих законопроектов заслуживают особого внимания.

Нужно иметь в виду, что вторая часть конституции, в которой, между прочими правами и обязанностями граждан Латвии, были закреплены принципы национально-культурной автономии меньшинств, — при голосовании ее в третьем чтении была отвергнута большинством, сложившимся, с одной стороны, из крестьянского союза и примыкающих групп, присоединившихся к взгляду А. Берга, официальная редакция которого гласит, что основные законы не следует перегружать декларативными формулами, и, с другой стороны, – латгальцев, голосовавших против этой второй части основных законов, в виду не включения в нее положений об автономном самоуправлении Латгалии.

Комиссия по основным законам, оставив открытым вопрос о национально-культурной автономии меньшинств, приступила к рассмотрению законопроектов о пользовании языками меньшинств.

Первым был заслушан законопроект о немецком языке, который не встретил возражений, причем комиссия предоставила немецкому населению право пользоваться родным языком в правительственных и коммунальных учреждениях городов Латвии, за исключением Латгалии, — вне зависимости от процентного отношения немецкого населения в этих городах.

Рассмотрению русского законопроекта председатель комиссии, правый с.-д. Скуенек предпослал заявление, в котором заметил, что в настоящее время латышский народ не имеет оснований опасаться германизации, и потому законопроект о немецком языке не вызвал существенных замечаний. Опасность же русификации налицо, и к рассмотрению русского законопроекта нужно подойти осторожнее. Надлежит, между прочим, иметь в виду, что понятие «*русский*», обнимает великоросса, белоруса и малоросса, и что данный законопроект говорит о языке великороссов, между тем в Латгалии проживает значительное число белорусов, судьба которых обращает на себя внимание. Несомненно, утверждал председатель, что белорусы — латыши, подвергшиеся сначала полонизации, а потом русификации, и нам надо озаботиться, чтобы это население стало вновь тем, что оно есть на самом деле.

Согласно изложенному мнению, к которому присоединилось большинство комиссии, этот законопроект получил название закона «о пользовании великорусским языком в Латвии». Общие положения законопроекта (а именно: о том, что каждому принадлежит право свободно пользоваться великорусским языком как письменно, так и словесно в частной, а также в общественной жизни и т. д.) были приняты в редакции, почти одинаковой с немецким законопроектом. Центральный же вопрос о праве пользования русским языком в правительственных и прочих учреждениях, вместо формулировки его в русском законопроекте, в виде предоставления этого права в городах Риге, Либаве, Митаве, Илукстском уезде, в Латгалии и в тех местностях Латвии, где налицо 10% русских, получил следующее содержание: «во всех местностях Латвии, где налицо 10% великороссов, там граждане вправе в судебных, правительственных и коммунальных учреждениях пользоваться великорусским языком, как письменно, так и словесно, причем в этих местностях распоряжения местных правительственных и коммунальных учреждений публикуются также и на великорусском языке». В комиссии возник вопрос, где же те места Латвии, в которых налицо 10% великороссов, и выяснилось, что это условие имеется лишь в нескольких волостях Латгалии.

Останавливаясь на принятой комиссией в первом чтении редакции законопроекта, надлежит заметить, что лишение граждан права пользования русским языком в центральных правительственных учреждениях городов Риги, Либавы, Митавы и Виндавы и в Латгалии не может быть признано объективным разрешением вопроса, так как русский язык в Латвии фактически является общим, так сказать, — международным языком для великороссов, евреев, поляков, украинцев, литовцев и др. А раз русским языком пользуются не только одни великороссы, то нельзя ставить этот вопрос в зависимость от наличности 10% великороссов.

Странно, что соответствующее интересам русского населения изменение принятой редакции законопроекта о пользовании русским языком встречает решительное возражение со стороны правых с.-д., в силу постановления этой правительственной фракции.

(№ 2, с. 3)

ЖИЗНЬ ЭМИГРАНТОВ

Под кровом

Привет тебе, чужестранец!
Поставь посох свой и садись
ближе к очагу. Вот хлеб
и вино — раздели с нами
трапезу.
(Из трагедий Эсхила).

На тернистом пути русского эмигранта редко встречаются такие приветствия.

Чаще всего навстречу ему выходит жандарм и, закрывая спиной двери, говорит:

— Ступай себе мимо! Да пошевеливайся.

Редок дружеский кров над головой эмигранта.

Но есть страны, открывающие двери русскому эмигранту и пускающие его под свою кровлю.

Такая страна и Латвия.

Разоренная войной и событиями последних лет маленькая республика, стойко борющаяся за свое существование, дает приют многим русским эмигрантам.

«Если ты, — друг, если ты пришел с добрыми намерениями — живи у нас, добывай трудом кусок хлеба. Кров мы охотно дадим тебе».

И в этом именно смысле русская эмиграция в Латвии поставлена в лучшие условия, чем во многих других, более обширных и более богатых, странах.

Деятельность эмиграции и органов, созданных ею, поскольку они носят лояльный характер, не встречает никаких затруднений. Если и велик уровень нужды эмигрантской, то в этом не приходится обвинять хозяев: скромны их средства и нет лишних запасов у них, чтобы принимать гостей... Но безопасный приют дают они.

И за это в сердце каждого русского должна теплиться искра признательности.

Русские в Норвегии

Беженцев, прибывших в Норвегию из Северной России, в марте 1921 г. насчитывалось около 1000 человек, в настоящее же время осталось не более 80-ти; остальные все поразъехались в разные страны Европы и Америки.

Застрявшие в Норвегии беженцы и перешедшие на положение эмигрантов занимаются почти исключительно физическим трудом, находясь на полевых и земляных работах, на фабриках и заводах, в ремонтных мастерских, и очень немногие счастливчики занимаются интеллигентным трудом в разных технических бюро и конторах.

Русские эмигранты среди населения Норвегии и особенно среди рабочего класса встречают самое лучшее к себе отношение.

В.К.

Христиания

На Дальнем Востоке

В Харбине скопилось немало беженцев из центральной России, а между ними и представителей искусств, особенно актеров. Открыто масса театров и варьете, но несмотря на это, многие из беженцев-актеров без дела, а потому приходится подыскивать разные пути к существованию. Так, например, известн. балетм. Адамчевский оборудовал одну из лучших по работе сапожную мастерскую. Арт. Петров занялся лечением от пьянства — гипнозом. Семейство акт. Роберти занялось торговлей, открыв на Магазинной ул. в Харбине бакалейную лавку.

С.

Харбин

В Африке

В Африке, особенно в Тунисе, живет несколько тысяч русских эмигрантов.

Работают на плантациях. Иные служат во французских иностранных легионах.

Условия жизни — тяжелые. Работа изнурительная.

Но и эта работа на исходе. Благодаря засухе, замерла жизнь на многих плантациях, и часть русских лишилась работы.

Мы получили письмо от русского студента, заброшенного в Тунис. Он пишет:

«Безработные русские с плантаций пришли в город. На улицах бродят полунагие, изнуренные людские тени, готовые на всякую работу, но ее нет...

Французские власти принимают меры к разгрузке Туниса от русских безработных. Их собираются отправить в другие колонии и частью в Европу».

Русский эмигрант, как легендарный Агасфер, должен бродить из страны в страну без отдыха и... срока?

С дальнего востока

В ноябре 1920 г., когда по всей сов. России развивались красные флаги, во Владивостоке при Дальневосточном университете было образовано «Русское Национальное Студенческое Общество», которое выкинуло национальный флаг, как символ того, что жив еще русский народ и что не умерли его национальные идеалы. Главной целью Общество поставило объединение русского студенчества в одну национальную семью.

Деятельность О-ва встречала препятствие со стороны коммунистической студенческой организации — «Общество студентов г. Владивостока».

Однако новое общество оказало большое влияние на академическую жизнь, и все попытки студентов-коммунистов потерпели полное поражение. В настоящее время Государственный Дальневосточный Университет во Владивостоке является единственным в России, которого не коснулись советские реформы.

Не осталось Об-во безучастным и к общественно-политической жизни.

В настоящее время при Обществе имеются отделы: академический, общественно-политический, информационный, издательский, театральный и касса взаимопомощи.

О-во насчитывает в своей среде более 300 человек. Владивосток.

Наука в эмиграции

18 мая в Праге, в аудитории Карлова Университета, математического факультета, в присутствии громадного количества студентов, представителей русской и чешской профессуры, чешской общественности и министерств — народн. просвещения и иностр. дел, состоялось торжественное открытие Русского Юридического факультета, являющегося в настоящее время единственным в мире. Торжество открыл председатель Союза Русских Академ. Организаций за границей, проф. А.С. Ломшаков.

Открытие Русского Юридического факультета в Праге, — событие огромной важности, и поэтому оно должно быть отмечено всеми, кому дороги интересы русской науки и культуры: ибо с основанием Русского Юридического факультета прерванное за годы революции русское юридическое образование делает первый шаг к своему восстановлению.

Юридическое образование совершенно прекращено в сов. России, и бывш. студенты юридич. факультетов остаются недоучками, а между тем подготовка лиц с юридическим образованием необходима для внесения в страну идеи права и справедливости. Студенты-эмигранты также были лишены возможности закончить свое юридическое образование, и только теперь, благодаря гостеприимству и особой заботе чешского народа, в лице его правительства, представ. науки чешских университетов и ученых чешских организаций, русские студенты-эмигранты имеют возможность закончить свое юридическое образование.

В настоящее время в Праге находится около 15 русских профессоров-юристов; такого количества преподавательских сил вполне достаточно для организации нормального юридического факультета по уставу Российских Университетов.

Основанный в Праге Русский Юридический факультет, есть частное высшее учебное заведение в Чехословакии. Учредителем его является Союз Русских Академических Организаций. Устав факультета — переработанный устав Русских Университетов.

Интересно отметить, что собравшиеся в Праге русские профессора являются представителями юридических факультетов: Петроградского (6 проф.), Московского (4 проф.), Харьковского (3 проф.), Киевского (2 проф.) и Донского (1 проф.). Отсюда видно, что Русск. Юридич. факультет в Праге собрал лучшие научные силы из всех известных Российских Университетов.

Деканом факультета состоит проф. П.И. Новгородцев, секретарем — проф. Н.Н. Алексеев. В состав факультета входят (по алфавиту): проф. А.А. Вилков, проф. П.И. Георгиевский, проф. С.К. Гогель, проф. Д.Д. Гримм, доц. Г.Д. Гурвич, проф. С.В. Завадский, доц. У.Д. Жиляев, проф. М.М. Катков, проф. В.А. Косинский, проф. А.В. Маклецов, доц. А.В. Позняков, проф. П.Б. Струве, проф. В.Ф. Тотомьянц и проф. А.И. Фатеев.

Наличное число студентов-юристов предполагается не более 250 человек; по прежней своей принадлежности более всего представлены университеты Московский и Петроградский, далее Киевский и Харьковский, затем Донской и Новороссийский, но имеются студенты и Юрьевского, и Казанского, и Таврического университ., и Демидовского лицея в Ярославле, и Московского лицея, и Севастопольского юридическ. института. Одним словом, в Праге собралось студенчество со всей Русской земли.

В. Г.

В Болгарии

Вследствие давления большевиков на болгарское правительство, русские в Болгарии подвергаются чрезвычайным преследованиям: обыски, аресты, высылки, чуть не каждодневная регистрация, оскорбления на улицах. Пущена клевета, будто русские намерены свергнуть софийское правительство.

От ред. Приводя это сообщение, редакция в то же время считает нужным дать и нижеследующие корреспонденции из Болгарии, рисующие несколько иную картину.

Прибытие беженцев

В Болгарию прибывают большие партии русских беженцев из Египта. Это, преимущественно, эвакуированные русские учебные заведения, которые переводятся сюда при содействии англичан.

Кроме того, болгарское правительство разрешило 150 лицам, бежавшим из России преимущественно из Херсона и Николаева и прибывшим на лодках в Варну, поселиться в Болгарии.

Я.

София

Русская армия

Первоначальное предположение распылить русскую армию на небольшие группы по стране встретило много практических затруднений, а потому недавно обсуждался вопрос о распределении армии на работы государственного значения; к этой мысли сочувственно относится и болгарское правительство.

Что же касается перевода русской армии на службу в Грецию, о чем ведет переговоры командование ген. Врангеля, если и осуществится, то только в незначительных размерах, так как Греция не в состоянии принять всех.

Я.

София

Самоубийство полк. Болдырева

В гор. Кюстендиле покончил с собою не выдержавший издевательств полковник Болдырев, командовавший здесь частью врангелевской армии. Он получил от местных властей распоряжение очистить казармы, выполнил распоряжение, а затем застрелился.

Я.

София

В Дании

Русских беженцев в Дании (не считая русских евреев, поселившихся еще в начале войны), очень небольшое количество — всего человек 150–200. Объясняется это главным образом тем, что в Дании, в связи с общей безработицей, не могут найти работы даже специалисты.

Отношение в Дании к русским, не принадлежащим к левым партиям, самое корректное; и русские беженцы, проезжающие транзитом через Данию, не претерпевают всех тех унижений, с которыми им приходится сталкиваться в других государствах.

Что касается левых элементов русской эмиграции и представителей сов. правит., то они не засиживаются подолгу в Дании, т. к. датское правительство, хотя и деликатно, но весьма настойчиво их выпроваживает.

В этом отношении интересно отметить положение советской миссии. С нею абсолютно не считаются ни правительство, ни общество. Миссия существует сама для себя, т. е. вернее для благополучия и веселого времяпровождения в первоклассных ресторанах представителей «беднейших крестьян и рабочих» России. Поэтому датская пресса информирует свое общество о деятельности советской миссии главным образом в хронике, в отделе происшествий.

Вообще надо отметить, что Скандинавские государства смотрят на события, происходящие в России, трезво и мало верят в долгое существование большевиков, а потому русским эмигрантам оказывается всяческое внимание.

Эмигрант

Копенгаген

В Бразилии

Сотрудник «Маяка» два месяца тому назад получил письмо от одного из русских офицеров, заброшенных в дебри Южной Америки. Приводим из него интересные выдержки:

«Нас русских около 2000 распылилось по пустынным прериям и лесам Бразилии. Условия жизни и труда крайне разнообразны, но от всего веет страницами прочитанных в детстве романов Майн-Рида и Купера.

От работы на казенных плантациях до полной приключений жизни искателя каучука — в непроходимых лесах Параны.

Условия труда выгодны, но сама работа крайне тяжела. Знойное солнце и вечерняя прохлада — смертельные враги северян, привыкших к умеренности в климате. Поэтому лихорадка косит безжалостно наши ряды. Хинин, который добывается на месте, наш постоянный спутник и здесь важнее хлеба.

Живем и работаем мы артелями, многие отправились собирать каучук в дебри лесов

Параны. Это очень выгодное занятие, но полное опасностей и приключений. Обычно заработок искателя каучука в сезон определяется двумя-тремя тысячами лир. Если принять во внимание, что половина охотников за каучуком гибнет от лихорадки, змей, диких зверей и других прелестей, то это не так уже много.

Влача здесь жизнь изгнанников, мы не терпим лишений на почве голода: работы хватает. Второе хорошее это то, что на нас здесь обращают внимание не больше, чем на любого коренного жителя страны. Мы — полноправные граждане.

После обидной пренебрежительности, которую я встретил во Франции, и после холодного презрения, которым меня приветствовали в Англии, я чувствую себя свободно и хорошо в этой причудливой стране.

Тоска по России гнетет. Отсутствие газет и книг создает пустоту в душе. Затерянные в лесах и прериях жалкими кучками, мы томимся неизвестностью о родине, о дорогих, о близких. Каждое письмо — событие для всей русской колонии. Вам, может быть, это покажется смешным и сентиментальным, но каждый печатный лоскуток обходит всю страну, передаваясь от одного русского к другому. Такая же участь постигает письма, в которых заключена хотя бы строчка о России.

Каждый из нас временами совершает паломничество в Рио-Жанейро. Здесь получается почта, газеты, здесь можно встретить приятеля, прибревшего из каких-нибудь дебрей Бразилии.

Но эти поездки — редкий праздник в буднях нашей трудовой жизни. А значит и редким лучом сверкают вести о родине... Они неутешительны обычно, и я не знаю, что тяжелее: получать такие вести или томиться неведением, питая себя радостными надеждами».

(№ 2, с. 4; № 3, с. 4; № 4, с. 4)

РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ В ЛАТВИИ

I.

Эпоха империи: 1) до Александра III и 2) с Александра III. Государственный переворот. Образование Нац.-Демокр. Союза русских граждан

Во времена империи русская общественность, слабо развитая в России вообще, в Прибалтийском крае не имела для себя и того применения, какое предоставлялось ей внутри государства: здесь не было земства, в дворянское самоуправление русские не принимались, городское хозяйство было также не в русских руках. В течение почти всей истории края внутреннее управление в нем принадлежало немцам; русские же составляли, выражаясь по-нынешнему, национальное меньшинство, притом лишенное всякого значения. Только в России могло быть, что люди, принадлежащие к народу-завоевателю, к нации, господствующей в государстве, занимали такое приниженное положение в завоеванном крае. Но это состояние роднило русских с коренным населением, латышами и эстами. С шестидесятых годов лучшие представители русской интеллигенции, с Ю.Ф. Самариным во главе, своими трудами закрепляли эту связь и, рискуя личным благополучием, перебрасывали симпатию к коренному местному населению далеко за пределы края. *Нынешним латвийским шовинистам грешно это забывать.*

Царствование Александра III коренным образом изменило положение вещей. В конце 80-х годов преобразована и стала русской администрация, введены русские суды, введен русский язык в делопроизводство учреждений (с дозволением, однако, туземному населению подавать прошения на местных языках). Одновременно с объединением окраины с остальной Россией, реформы клонились и к освобождению коренного населения от зависимости, которая его тяготила. Пусть и это вспомнят те, кто так яростно требует сноса или обезображения единственного памятника Александру III, часовни, стоящей в Риге перед вокзалом.

По отношению к русской общественности период с конца 80-х годов знаменуется покровительством правительства всем проявлениям ее здесь, в области религиозной, просветительной и иных. Субсидировались даже клубы и газеты.

Таким образом, русская общественность из весьма длительного положения полной подавленности попала в положение детища, заботливо поддерживаемого казной. Но и при этом область применения ее не выходила за пределы благотворительности, взаимопомощи, развлечений, литературы, искусства и науки.

В коммунальных учреждениях русские интересы поддерживались также мерами правительства, прямыми или косвенными.

Итак, русскую общественность здесь можно уподобить ребенку, которому сначала пеленали ноги, а затем, хотя и развязали, но стали носить на руках. Укрепиться на своих ногах ему не пришлось.

В таком состоянии хилости застал русских весною 1917 года государственный переворот.

Для полноты начерченной выше картины надо прибавить низкий уровень образования в основной массе русского населения. Ведь у нас и теперь на московском предместьи г. Риги много неграмотных, а в провинции, в разных Суббатах и Малиновках и того хуже.

В противоположность русскому, латышское население (благодаря немецкому управлению) уже целое столетие не знает неграмотности. В течение по крайней мере 50 лет оно привыкло к организованности, к объединенной работе в разных хозяйственных, культурно-просветительных и других союзах. К началу текущего века в одной Лифляндии насчитывалось до 800 различных частных обществ, существовавших, конечно, без субсидий. В то время, как латыш, будь то землероб, извозчик или торговка на рынке, без газеты не живет, — русский до сих пор не привык покупать газету и в лучшем случае ищет соседа, у которого можно бы ее позаимствовать. При таком положении у малочисленной русской интеллигенции нет прочной опоры в самом массиве населения.

Такова в критический момент оказалась разница в соотношении культурных сил. А к ней присоединялась и подавляющая разница в численности; латыши составляют почти все население, а русские — менее десятой части его. Разница — роковая для момента, непосредственно следующего за переворотом, когда властью овладевает толпа.

И новая власть сразу же дала национальным меньшинствам почувствовать, что они выбрасываются за борт политической жизни.

Тем, для кого ясно было положение вещей, пришлось экстренно напрячь все силы для спасения своего национального облика, для сохранения за русским населением справедливой доли участия в политической жизни страны.

У других, как у немцев или евреев, благодаря тому, что они и до переворота состояли в «меньшинствах», национально-общественная организация была уже готовой. Недоставало ее у русских, но тяжесть удара способствовала объединению и их. Уже 20 марта 1917 г. состоялось в русском театре собрание русских граждан г. Риги. В этом собрании большевики, в лице своего оратора тов. Аболиня, пытались сорвать объединение, однако успеха не имели. Избран был исполнительный комитет для выработки устава. В комитет вошли между прочим лица, и до сего времени стоящие во главе учрежденного тогда союза, или продолжающие принимать ближайшее участие в его деятельности. После выработки проекта устава, состоялось 9 апреля 1917 г. в гимназии Л.И. Тайловой организационное собрание, на которое сошлось до 400 человек: военные, от солдата до генерала включительно, врачи, адвокаты, крупные купцы и мелкие торговцы, чиновники, ремесленники, рабочие и др. Такое небывалое объединение людей разных классов и имущественных положений внушило одному из ораторов, железнодорожному рабочему, сомнение, чтобы могли сойтись интересы бедного и богатого, рабочего и работодателя: пролетариат де может объединяться только на классовой, интернациональной платформе. Ответом была горячая речь солдата о том, что на окраинах сама жизнь велит русскому населению сплотиться теснее, независимо от партий, к которым отдельные лица принадлежат, принцип и был принят собранием. Что касается разделения русских людей на православных и старообрядцев, разделения бессмысленного и безжизненного, поддерживавшегося раньше только теми, кому это было выгодно, то оно, потерявши всякий смысл при патриотическом подъеме во время войны, на данном собрании было совершенно забыто, так что в группу руководителей собрания, а затем и в исполнительный комитет образовавшегося союза вошли и православные, и старообрядцы.

Таким образом, состоявшееся объединение получило исключительно национальный характер; а состав организационного собрания из всех существующих классов населения определил *демократичность* учреждаемого союза в точном и благороднейшем смысле этого слова.

Поэтому на собрании 9 апреля 1917 г. он и получил наименование:

«Национально-Демократический Союз русских граждан гор. Риги». Выявленные затем Союзом на самой практике лозунги оправдали это наименование вполне.

II.
От Советов раб. и солд. депутатов до большевиков

Возникшая непосредственно за государственным переворотом власть в лице Советов солдатских и рабочих депутатов оказалась здесь далекой от принципов равенства и братства, преследуя исключительно узкопартийные интересы.

Что касается образовавшегося тогда же Совета общественных организаций, то он объединил только латышские мелкобуржуазные организации, так как на первом же собрании обнаружилось такое отношение к другим национальностям, что представители их покинули собрание.

Вот тут-то и вспомнили меньшинства, что «в единении — сила». Этот лозунг и выставляется Нац.-Дем. Союзом русских граждан во всех воззваниях того времени.

Одинаковые причины вызвали и одинаковые последствия во всех городах и местечках края. Повсюду одновременно образовались русские объединения. Казалось бы, такое явление вполне соответствовало объявленным новым принципам, а на деле змея шовинизма зашипела, как встарь. Эстонская газета «Postimees» в начале апреля 1917 г. писала: «Юрьевские русские правительственные учреждения и общества организуются и объединяются в общий союз. Раньше нам приходилось иметь дело с русскими правительственными учреждениями, которые достаточно уже обременяли нашу местную жизнь. Теперь к ним присоединяются еще русские общества, которым косвенным образом придается характер правительственных учреждений. Каждому понимающему ясно, что означает это характерное явление».

Но как бы то ни было, а русские объединились по своим местам, и 28 апреля, т.е. менее чем через 2 месяца после переворота, состоялся в Юрьеве съезд представителей русских организаций всего Прибалтийского края. Съехались делегаты из Риги, Ревеля, Пернова, Феллина, Валка, Вольмара, Лемзаля, от причудского русского населения и от русских служащих в курляндских учреждениях. От Нац.-Демокр. Союза рус. гр. Риги на съезде были А.С. Бочагов, В.П. Стародубский и В.С.Фомин. Первый был избран товарищем председателя съезда.

В передовой статье, посвященной съезду, «Рижский Вестник» (30 апр. 1917 г. № 96) писал, что местные шовинисты делают шаги, и довольно недвусмысленные, к тому, чтобы тем или иным способом вытеснить русских из края. По замечанию газеты: «все коренное население в этом винить не приходится; действуют подобным образом наиболее рьяно шовинистические элементы, объединенные в политические или профессиональные группы, но в том-то и беда, что обычно эти группы прикрываются волею всего населения».

Действительно, все докладчики с мест засвидетельствовали, что повсеместно русское население поставлено в необходимость подумать о самозащите и об обеспечении своих кровных интересов, из коих прежде всего должно быть обеспечено участие представителя от русского населения в комиссии для выработки избирательного в Учредит. Собрание закона.

Почти повсюду во взаимоотношениях с коренным населением наблюдались трения серьезного значения, в которых страдательной стороной неизменно являются национальные меньшинства как русское, так и другие. Когда в Риге Нац.-Демокр. Союз рус. граждан подал протест по поводу предоставления русским в Городской Думе всего только 3 мест, то начальник латышской бригады заявил, что теперь не время искать справедливости и что во избежание эксцессов и насилий надо идти на уступки. Однако представители Н.-Д. Союза не остановились перед угрозой. В результате исполн. комитет солдатских депутатов XII армии заинтересовался создавшимся положением и в ярко шовинистической деятельности рижских Советов рабочих депутатов и общественных организаций усмотрел угрозу спокойствию тыла, но принятые им меры имели лишь кратковременное значение.

Можно себе представить, какую тяжелую работу пришлось выполнить Н.-Д. Союзу. Достойно примечания, что, как установлено было на Юрьевском съезде, Союз во всех своих выступлениях находил себе поддержку в представителях немецкой, польской, литовской и еврейской национальностей.

Юрьевским съездом вынесено было решение, в котором поставлено целью: 1) обеспечение русскому населению края представительства в Учред. Собрании и во всех учреждениях местного самоуправления, 2) обеспечение ему, как пользования русским языком в правительственных и коммунальных учреждениях, так и получения образования на родном языке, 3) защита прав других народностей, находящихся в меньшинстве и примыкающих к русским.

Принятию третьего пункта предшествовали прения, исход которым дан был краткой, но выпуклой речью В.С. Фомина (риж. старообрядец), сказавшего: «когда у соседа пожар, то мы, люди простые, не рассуждаем, а берем ведро и бежим тушить».

Как видно из изложенного ранее, принцип этот уже лежал в основе деятельности Нац.-Дем. Союза с самого ее начала.

Юрьевский съезд уполномочил Бочагова, Василькова и Щукина лично добиваться у Керенского, чтобы русскому населению обеспечено было достойное участие в Учредит. Собрании. Им же поручено было обратить внимание Керенского на развал армии. Керенский принял делегатов в Зимнем дворце, в кабинете Николая II и по обыкновению успокоил обещанием, которого не исполнил.

Вслед затем Союз участвовал в выборах в Рижск. Гор. Думу, и тут сказались плоды дружной объединенной работы: вместо предполагавшихся 3 кандидатов, Союз провел 5.

13 июня 1917 г. мы находим в «Рижском Вестнике» такую заметку «Нац. Дем. Союз русских граждан открыл с 10 июня вечерние занятия для взрослых (с 16 лет) по обучению грамоте, счету, пению и русской музыке, преподаваемым русской группой педагогов в помещениях правительств. училищ по Бл. Московской ул. С того же числа начались вечерние собрания по совместному чтению газет». Союз готовился к выборной компании в Российское Учред. Собрание. Готовился Союз принять участие и в выборах в Земский Совет, но подоспела 21 августа 1917 г., вторичная эвакуация Риги с отходом нашей армии, и Ригу заняли германские войска. Деятельность Союза прерывается и возобновляется только в ноябре 1918 г., когда германская армия, подобно российской, стала разлагаться от проникшей и в нее красной бациллы. Революция в Берлине. Постепенный отход германских войск с передачей германскою военною властью поддержания в крае порядка местным силам. Россия — во власти большевиков, и латвийский народ, через избранный им Народный Совет, провозглашает 18 ноября 1918 г. самостоятельность Латвии. Еще полтора месяца, и германцы окончательно оставляют Ригу, а вместо них, непосредственно за ними, 1 янв. 1919 г. занимают Ригу банды большевиков. Народный Совет перемещается в Либаву, а в Риге жизнь замирает. Замер и Нац.-Дем. Союз русских граждан.

III.
От большевиков до возвращения в Ригу Народного Совета

Единственная русская организация, какая могла существовать при большевиках, это — Союз русских учителей, основанный тогда О.Н. Лишиной на профессиональной основе.

Вслед за изгнанием из Риги большевиков возобновляется деятельность Нац. -Дем. Союза русских граждан г. Риги 6 июня 1919 г. И вскоре перед тем снова возникает целый ряд трудноразрешимых вопросов: массовое увольнение русских служащих, распределение городских зданий между латышскими и немецкими школами с полным забвением русской школы; опасность потерять здание Ломоносовской гимназии, хотя оно и было выстроено на средства, собранные русским обществом; отказ правительства Недры русской школе в праве на самоопределение, меры к сохранению остатков ценной библиотеки Духовной Семинарии, которою германский ландвер пользовался как казармой, меры к возвращению Кафедрального Собора и т.д.

И вот, чем тяжелее положение, тем шире объединение. В июле 1919 г. Нац.-Демокр. Союз русских граждан г. Риги представляет собою объединение всех существовавших в то время в Риге русских организаций, от религиозных до кредитных и даже спортивных включительно. К Союзу примыкают: все городские православные приходы, Гребенщиковская община старообрядцев, Союз русских учителей, Общество русских врачей, III Общество Взаимного Кредита, Русский Клуб, Русское Благотворительное Общество, Русская Ссудо-Сберегательная Касса (учрежд. в 1871 г.), Николаевское Купеческое Общество, Русское Общество «Самопомощь», Общество «Русская Беседа», Группа русских рабочих, Группа русских офицеров, Русское Театральное Общество и Русский Кружок велосипедистов.

В июле 1919 года возвращается в Ригу Народный Совет, образованный на началах делигированного представительства, и Нац.-Дем. Союз русск. гр. спешит принять участие в творческой работе этого учреждения, гарантирующего государственный правовой уклад и спокойное, наконец, течение жизни. Делегаты Союза Бочагов, Сиротин и др. вступают в Народн. Совет 13 июля 1919 г., причем председатель Н.-Д. Союза А.С. Бочагов, снабженный также полномочиями от еврейского меньшинства, произносит речь, в которой, после приветствия Народному Совету по случаю возобновления его деятельности, говорит:

«Беспримерная в истории война с ее последствиями особенно тяжело отразилась на нашем крае, бывшем ареной борьбы враждующих народов и ставшим, затем, полем, предрасположенным к жестоким и непродуманным экспериментам. Истекающие кровью разоренные народы горьким опытом пришли к убеждению, что должен быть создан новый строй, исключающий диктатуру одной части

населения над другой, которая в свою очередь в целях «divide et impera" разжигала рознь между нациями, религиями и классами и автоматически вела к войнам и революциям, где на карту ставились цивилизация, все благосостояние и даже физическое существование народов. Инстинктивно народы ищут свое спасение в демократическом укладе государственного строя, который своей справедливостью сглаживает национальную и классовую рознь между людьми и не допускает насилия человека над человеком. С особым удовольствием мы, национальные меньшинства Латвии, отмечаем, что молодой латвийский народный совет уже при своем рождении появился на свет со знаменем демократических принципов. Демократический строй на основе пропорционального представительства всех народов Латвии в государственных и общественных учреждениях, который Совет несомненно проведет без всяких колебаний и отступлений во всей Латвии, дает полную гарантию, что и при решении вопросов школы, языка, народного хозяйства и служебного персонала жители Латвии не будут делиться на граждан первого и второго разряда в зависимости от национальности, вероисповедания и языка, что всем народам меньшинства будет гарантирована возможность национального и культурного самоопределения и что все народы, населяющие Латвию, будут привлекаться в равных правах и обязанностях к работе по созданию культуры, благополучия и счастия страны».

Представители немецкого населения заявили, что присоединяются к заявлению Нац.-Дем. Союза русских граждан.

IV

Период государственной организации. Широкая деятельность Нац.-Дем. Союза. Внесение в нее раскола образованием «Русского Общества в Латвии»

Неприятельская оккупация края, затем большевистское иго и междоусобная гражданская война, отсутствие еще ранее эвакуированных государственных учреждений, — все это образовало хаос, среди которого заново создавался государственный строй. Создавался при обстановке, крайне невыгодной для русского меньшинства, как бы обезглавленного отсутствием старых правительственных и общественных учреждений. Не будь эвакуированы учреждения, оставайся они на своих местах — реформировать их и приспособить к новым условиям было бы легче, чем среди хаоса создавать все наново. Пользующиеся прочной репутацией русские ответственные чиновники, может быть, сохранили бы свое положение и не допустили бы массового увольнения мелких служащих. А когда впоследствии стали они возвращаться поодиночке, то, разумеется, оказались уже за флагом.

Отсутствие прежних деятелей и документов вызвало оспаривание принадлежности русских церковных, школьных, благотворительных и иных зданий и имуществ, опасность отобрания их в коммунальные учреждения или в казну. Оставшаяся бесприютной русская беднота, возвращающиеся беженцы, лишившиеся всего имущества и заработка... Вот — необъятное поприще для деятельности единственного русского широкого объединения, каким являлся Нац.-Дем. Союз рус. граждан, и он, действительно, откликался на все явления русской жизни.

Отобрание школьных зданий, Русского городского театра, Духовной семинарии, Духовного училища, части женского монастыря, Архиерейского дома с Алексеевским монастырем, едва не состоявшееся закрытие Кафедрального Собора, назначенное было закрытие часовни перед вокзалом, все это — явления, на которые реагировал Союз с большим или меньшим успехом. Между прочим, ему удалось создать русскую городскую среднюю школу в здании бывшей Ломоносовской гимназии.

Красный террор в России вызвал эмиграцию в Латвию, как страну смежную, притом такую, на которую русский человек не имел основания смотреть иначе, как на родную. Пришлось озаботиться помощью эмигрантам. А когда летом 1920 г. последовал со стороны нашего правительства приказ о выселении иностранцев, перед массой беженцев стала перспектива возвращения туда, где ожидает неминуемая кровавая расправа. Тогда при Нац.-Дем. Союзе образовался Особый Комитет по делам русских эмигрантов, принявший на себя заботу о них вообще и, в частности, представительство за них перед властями. Деятельность комитета к текущему году расширилась настолько, что бюджет его составляет около 4 миллионов руб., во главе его стоят К.Г. Гудим-Левкович и М.П. Спиридонов.

Прекращение деятельности прежних благотворительных учреждений настоятельно требовало восполнения этого пробела. В общественной помощи нуждались, между прочим, и русские учебные заведения. На это откликну-

лась группа дам, образовавшая при Нац.-Дем Союзе благотворительный Дамский Комитет с В.П. Камкиной во главе.

В прошлом году вести о голоде, охватившем обширные области России, побудили Союз образовать Русский комитет помощи голодающим в России. Председательство в этом Комитете принял на себя архиепископ Иоанн. А весной текущего года бедствия наводнения вызвали образование специальной комиссии также под почетным председательством Владыки.

Оказанием медицинской, юридической и трудовой помощи тем русским, которые пользуются правами латвийского гражданства и потому не подходят под действие Эмигрантского Комитета, занялся образованный при Союзе О.Н. Лишиной под почетным председательством Владыки, Комитет Помощи. Известная на Московском предместье лечебница устроена именно этим Комитетом.

Широкие задачи Союза потребовали распространения его деятельности на всю Латвию, почему и Устав Союза в феврале 1920 г. изменен в том смысле, что Союз стал называться Н.-Д. Союзом русских граждан Латвии, а не г. Риги, как было в начале. Сообразно с сим образованы провинциальные Отделения Союза.

Несколько раз принимал Союз участие в политической жизни путем проведения своих кандидатов в гласные Риж. Городской Думы, равно как постоянно имел и имеет своих представителей в различных комиссиях Городской Управы, в Школьном Совете Русского Отдела Министерства Образования, участвовал в выборной кампании по выборам в Латвийское Учредительное Собрание и теперь готовится к выставлению своего списка кандидатов в Сейм. Председатель Союза член Учредительного Собрания А.С. Бочагов постоянно осведомляет Союз о работе своей в Учредительном Собрании и его комиссиях.

Союз продолжает быть верным своему принципу единения с другими меньшинствами, и председатель Союза состоит в Учредит. Собрании в бюро меньшинств.

При такой широкой и разносторонней деятельности Союз, сохраняя свое единство, мог приобрести весьма значительное влияние. Но нашелся человек, который внес раскол. И человек, даже не принадлежащий краю, органически, пришелец.

Но... для созидания нужны усилия многих, а для разрушения довольно одного.

Летом 1919 г. стали прибывать в Ригу беженцы из Пскова и в числе их В.А. Пресняков, тот самый, имя которого связывается с последними днями Татьянинского комитета во Пскове. Принятый в правление Латвийского Красного Креста (где состоит и поныне), он затем вступил и в Н.-Д. Союз. Будучи рекомендован представителями латышского общества, он включен был и в исполнительный комитет Союза. Вслед за сим бесправное положение беженцев из Советской России, которым не от кого было получить хотя бы удостоверение личности, привело Н.-Д. Союз к мысли хлопотать об учреждении в Латвии русского консульства. В то время ближайшим русским, не большевицким правительством, было Северо-Западное Правительство. Перед ним Н.-Д. Союз и возбудил ходатайство, причем, с согласия министра иностр. дел, кандидатом на должность консула выставил В.А. Преснякова, как члена своего исполнит. комитета, с тем, чтобы в лице консула иметь свой орган по обслуживанию русских беженцев.

Но вышло другое. Началось с того, что, будучи назначен по настоянию Союза, консулом Северо-Западного правительства, В.А. Пресняков воспользовался своим официальным положением, чтобы привлечь в свое распоряжение те пожертвования, которые шли прежде к благотворительным учреждениям от иностранных организаций в пользу русских беженцев и эмигрантов. Благотворительные учреждения Союза перестали получать эти пожертвования и поставлены были в тяжелое положение. Понятно, что в глазах иностранцев консул должен был иметь больше веса, чем частные кружки. Весной 1920 г. по настоянию Преснякова устроен был благотворительным комитетом Союза совместно с ним и с обществом псковских беженцев вечер, давший 85 тыс. руб. Но Союз не получил от г. Преснякова отчета по вечеру. Это было последним ударом, по поводу которого на общем собрании членов Союза 20 мая 1920 г. разгорелись страстные прения. Пресняков настаивал на том, что как консул он Союзу не подотчетен. Такое заявление возмутило членов собрания, из среды коих, как видно из протокола общего собрания, раздались восклицания: «вон», «в отставку»! Выступив после этого из Союза, Пресняков немедленно, уже в июне 1920 года, образовал новое общество под названием «Русское Общество в Латвии». Во главе этого общества, кроме Преснякова, стали Павлов (представитель, так называемого, Центрального Комитета старообрядцев, забаллоти-

рованный при выборах 20 мая 1920 г. в исполн. комитет Н.-Д. Союза), кн. С.П. Мансырев и др.

Разумеется, при образовании нового общества нужно было подчеркнуть различие его от старого. Тут выдвинули национальный принцип Союза в отличие от нового общества, которое открыло широкий доступ лицам нерусского происхождения. Взявшаяся обслуживать новое общество газета «Сегодня» стала выставлять Н.-Д. Союз как организацию черносотенную.

Расшифровывая делавшиеся в то время по адресу Союза упреки и намеки, нужно признать, что его пытались охарактеризовать как организацию враждебную евреям. Я прямо, всеми буквами, обозначаю это обвинение для того, чтобы сейчас же доказать его нелепость.

Никто не станет спорить, что переживаемые годы выдвинули совершенную необходимость в объединениях на основах национальных. И евреи ранее русских образовали свои национальные союзы.

Когда вода и песок отделяются друг от друга, кто виноват в этом сепаратизме: вода или песок?

Евреи, образовав свое еврейское национальное объединение, не обозначили ли этим самым основания и для русского национального объединения?

Объединиться в свою национальную группу вовсе не значит стать в ненавистнические отношения к другим группам. И неизменная в течение пяти лет политика Н.-Д. Союза, идущего в согласии с другими национальными меньшинствами, не исключая еврейского, блестящим образом опровергает клеветнические наветы.

Сложность положения русских, по сравнению с другими народностями вытекает из того, что благодаря племенной пестроте бывшей России и обобщения всех племен русским образованием, русскою культурою, — под понятие «русский» вне пределов России подходят и евреи, и латыши, и эстонцы, и литовцы, и многие другие, если они воспитаны в русском духе. Поэтому, когда речь идет об объединении на основах просвещения, искусства, благотворительности или развлечения, тогда не приходится делиться по национальностям или вероисповеданиям. Так что, если бы образованное г. Пресняковым общество ставило себе эти последние цели, не претендуя на политическую роль русской национальной организации, тогда учреждение «Русского Общества в Латвии» можно было бы только приветствовать. Я сам состоял членом этого общества, пока окончательно не определил себе его характера. Я допускал возможность одновременно быть членом Н.-Д. Союза, как национальной организации, и «Русского Общества в Латвии», как организации, объединяющей всех по-русски мыслящих, по-русски чувствующих людей.

Сам председатель Общества г. Пресняков, когда то бывает нужно, говорит, что «Русское Общество в Латвии» — организация не политическая. Однако на самом деле оно выступает в качестве политической организации, и притом национальной: в предвыборных кампаниях с особым своим «русским» списком кандидатов, посылает своего представителя в Школьный Совет Русского Отдела Министерства образования; члены Русского Общества в Латвии составляют особую русскую («беспартийную») фракцию в Учред. Собрании.

Таким образом выходит, что организация в сущности не национальная, принимающая в число своих членов и таких лиц, которые в то же время состоят членами национальных объединений других национальностей, позволяют себе выступать в качестве русско-национальной организации. Это — своего рода подлог.

Время учреждения «Русского Общества в Латвии» и ближайшее после того совпало с возвращением сюда наибольшего числа лиц, в начале войны эвакуированных. Люди, вернувшиеся, наконец, в свои места и оказавшиеся в непривычном и тяжелом положении инородцев, естественно стремятся примкнуть к своей национальной группе. Едва переехав границу, жадно хватает русский человек газету, напечатанную на русском языке, и первое, что бросается ему в глаза, — это наличность в Риге «Русского Общества». Спешит туда, с радостью узнает, что размер членского взноса доступен и для него, и тотчас же вступает в члены. От Нац.-Дем. Союза, когда узнают о его существовании, отпугивает новоприбывших самое название его, от которого отдает «политикой», а русский человек, не привыкший к республиканскому строю и пресыщенный «политикой» в советской России, жаждет только спокойной трудовой жизни в стороне от всяких политик. Он еще не испытал на самом себе, что в республике не принимать участия в политической жизни значит губить и свои личные интересы. Затем слово «Союз» напоминает различные «союзы» доброго старого времени, воскрешать которые не всякому охота.

Совокупность всех этих обстоятельств и соображений повлекла за собой быстрое по-

полнение новоприбывающими русскими «Рус-ского Общества в Латвии». Учредитель и председатель его Пресняков продолжал, в качестве русского консула, привлекать к себе пожертвования щедрых американцев и других ино-странных благодетелей, раздавал милостыню и попутно оказывал милости и щедроты тем, кто мог быть ему полезен. Около него быстро составился тесный кружок без лести преданных сотрудников, а за ними целый хвост богатых лестью прихвостней. Из них составились кадры для многочисленных, в значительной части дутых учреждений, приумножавших славу «Русского Общества в Латвии». Среди его учреждений не много действительно работающих, как, напр., детский приют (благодаря тому, что попал в исключительно хорошие руки —игумении Жен. Мон.), или гимназия (благодаря выгодности этого предприятия и труду в нем учительского персонала), другие, с громкими названиями учреждения, как «народный университет» существуют только на бумаге; есть, наконец, учреждения с весьма сомнительной репутацией, как, напр., бросающийся всем в глаза пышный кооператив, о котором были в прессе скандальные разоблачения («Рижский Курьер» № 397). Но как бы то ни было, а около «Русского Общества» много шумихи и рекламы, а интернациональные вечера его привлекают массу танцующей молодежи. Русские же обыватели до того равнодушны к сущности того или другого общества, что встречаются такие дамы, которые, посещая концерты и вечера Нац.-Дем. Союза, с наивностью полагают, что проводят время на вечерах Русского Общества. «Разве это не все равно?» — удивляются они. Надо сказать, что такому смешению содействует и смежность помещений обоих учреждений в одном и том же доме («Улей»), а еще более общность зала, которым они пользуются для своих вечеров по очереди.

Такова картина бессмысленного раскола среди русских, который не имеет под собой, как видит читатель, совершенно никакого основания, вытекающего из тех или других интересов общественного порядка. Раскол произведен искусственно небольшой кучкой людей из-за чисто личных интересов и поддерживается тупым равнодушием русских людей к общему делу.

Вред же, причиняемый этим расколом интересам всего русского населения страны, неисчислим. Достаточно сказать, что при всяких выборах и без того малочисленное русское население выступает не с одним списком кандидатов, а с двумя, причем в агитационной борьбе одна сторона ослабляет другую. В результате — вместо большего числа кандидатов проходит меньшее. А затем избранные кандидаты продолжают вести междоусобную борьбу и в том месте, куда избраны. Поведение членов Учредит. Собрания, принадлежащих к составу «Русского Общества в Латвии», являет собою непостижимый пример. А их было трое, между тем как действительным представителем русских интересов был только один. Если такие же результаты дадут и выборы в Сейм, то это будет самоуничтожением русских. Вот — к чему приводит наглое выступление на политической арене в качестве русского национального объединения, в сущности, не национально-русской организации. Пора же, наконец, нам в этом разобраться и перестать пилить сук, на котором сидим. А то из-за очаровательности В.А. Преснякова или из-за карточного сопартнерства с кн. С.П. Мансыревым, или старого знакомства с иным из птенцов гнезда Пресняковского, или из-за заработка при нем то тот, то другой «общественный деятель» держится «Русского Общества в Латвии», и даже некоторые организации, позабыв, как они в тяжелую годину жались к Н.-Д. Союзу, теперь объявляют себя нейтральными, ссылаясь на свою аполитичность. Неизменно верными единому русскому объединению остаются православные приходы, Гребенщиковская Община старообрядцев, III Общество взаимного кредита, Русская Ссудо-сберегат. Касса, учрежд. в 1871 г., и другая Касса, учр. в 1910 г. «Русской Беседой».

Приходы — главная опора русского объединения. Они приходят на помощь при всякой нужде. При их поддержке удалось Союзу помочь Обществу русских врачей восстановить лечебницу: их поддержка была весьма существенна при оказании помощи и беженцам, затем голодающим в России, пострадавшим от наводнения в районе Двинска и в других случаях.

При нейтральности некоторых организаций, как таковых, все же русские по национальности члены их или входят лично в состав Н.-Д. Союза в качестве членов, или примыкают к Союзу через посредство приходов, членами которых состоят.

Кто же собственно из русских состоит членами «Русского Общества в Латвии»? Мне приходит на память юмористическая история путешествия французов по России. (Карандаша). Проезжая по Малороссии, путешественники встретили около деревни толпу пар-

ней-подростков и спросили их, что они за народ? — «Так собі хлопці», — был ответ, и французы записали, что под таким-то градусом широты и долготы они нашли народ, именуемый «так собі хлопці». Вот такие «так собі хлопці» из русских и состоят членами Русск. Общ. в *Л*. Интереса к делам общественным у них — никакого. Общих собраний они не посещают. Вообще, это — очень покладистый народ, именем которого можно делать, что угодно, даже вред им самим.

Я был на годичном общем собрании Русск. Общ. в *Л*. 30 апреля с.г. Несмотря на то, что незадолго перед тем было опубликовано сенсационное разоблачение о творящемся в кооперативе Русск. Общества, почему можно было ожидать весьма бурного общего собрания, несмотря на то, что «Рижский Курьер» с ехидной любезностью три раза напоминал о предстоящем общем собрании, указывая на важность участия в нем; несмотря на все это, из посторонних правлению лиц явилось на собрание двое из редакции «Рижского Курьера» (очевидно, в чаянии интересного заседания), да еще трое из лиц, особенно интересующихся общественными делами. А из «так собі хлопців» — ни души. Общее собрание составляли члены Совета Общества, их братья и жены, да служащие в учреждениях общества, всего 57 лиц (по уставу число одних членов Совета 30, не считая привходящих). Ясно, что такому собранию можно было представить на утверждение какой угодно отчет и составить какой угодно протокол. Кстати сказать, по уставу (составленному основателями Общества) протокол общего собрания должен быть прочитан в конце того же собрания, но исполнено это не было. Ни возражения, ни даже вопроса по поводу огромного отчета, читанного двумя лицами попеременно и очевидно рассчитанного на утомление слушателей, ни от кого не последовало. Тогда я спросил, отчего в отчете не упомянуто о кооперативе. «Кооператив, отвечают, нисколько не связан с Обществом». — «А как же вывеска гласит: "Кооператив Русского Общ. в Латвии"?» — «Это, — говорят, — гг. Пресняков и Мансырев, ничего. Кооператив — не Общество». Г. Дмитриев заметил, что в таком случае фирма Общества должна быть снята с вывески. Президиум пообещал об этом озаботиться. Но прошло 3 месяца, а кооператив продолжает называться по-прежнему. Напоминаю, что в изданном «Русским Обществом в *Л*.» календаре на 1921 г. (стр. 28) сказано, что оно «основало на широких коммерческих началах кооператив в лучшей части города». Судите сами, читатель, можно ли доверить таким людям, когда они говорят публично и официально.

Я задал второй вопрос: почему в перечне расходов не упомянуто жалование работающим в канцелярии? Дело в том, что на общем собрании в прошлом году, как мне передавали, было объяснено, что жалование это уплачивает г. Пресняков из личных средств, и собрание тогда благодарило щедрого жертвователя. А после того выяснилось, что жертва эта имеет и отрицательную сторону, так как в канцелярии работают и заведуют ею некоторые члены совета, за что, по слухам, и получают содержание. Это ставит их в зависимость от платящего, чем и объясняются принимаемые советом решения и игра кворумом. Ни для кого не тайна, что наши выборные учреждения посещаются далеко не всеми членами. В заседаниях более или менее аккуратно участвуют лишь немногие. Вот тут-то платные члены и создают кворум, когда нужно, или срывают его своим уходом, когда то желательно председателю. Таким образом, мой вопрос не был праздным. Ответил на него сам г. Пресняков, поспешно как бы предупреждая ответ со стороны кого-либо другого: «Они не получают вознаграждения от Общества». — «Так от кого же?» — «Они работают даром». Поверить этому, конечно, нельзя, ибо чем же существуют эти люди, посвящающие ежедневно по 6 лучших часов в день работе в канцелярии? Такой ответ является косвенным подтверждением того, что платит именно г. Пресняков. Но тут возникает недоумение, откуда берутся такие средства, с легким сердцем выбрасывать тысяч по 30 в месяц в течение двух лет? А, ведь, кроме того, в отчете значится пожертвование от г. Преснякова в сумме 110 т. р.

Я задал третий вопрос, как употреблены 3 тысячи долларов, присланные в конце 1920 г. Преснякову, как консулу, из Америки на пособие эмигрантам? На это последовал ответ, что вопрос касается консула и не относится к делам «Рус. Общества». Я возразил, что консульство к тому времени было ликвидировано, так что г. Пресняков мог бы получить эти деньги только на основании выданного Советом «Рус. Общества» удостоверения в том, что функции консула по оказанию помощи эмигрантам перешли к сему Обществу; а в таком случае ему должен быть дан и отчет по сим деньгам.

Подтверждение тому, что такое удостоверение могло быть выдано, я нахожу в том же календаре (ст. 28), где сказано, что «после за-

крытия раньше бывшего в Риге русского консульства, в августе возникло «Русское Общество в Латвии»».

Меня поддержал г. Бечаров, сказавший, что раз в отчете показано пожертвование от г. Преснякова в 110 т. р., а в то же время известно, что он получил от американцев несравненно большую сумму, то естественно интересоваться, куда обращены остальные деньги. Но после горячего обращения кн. Мансырева к председателю, последний прекратил прения, как относящиеся к деятельности консула.

Я остановился на этом общем собрании, потому что оно дает облик «Русского Общества» и его деятелей. Не смею утруждать читателя указанием на прямое извращение фактов, заключавшихся в годовом отчете Общества. Об этом собрании сообщено было в № 400 «Риж. Курьера», причем возражений против этого сообщения не было.

В отчете общему собранию не было сказано и о деньгах, собранных в помощь голодающим в России. Сбор производила в августе 1920 г. комиссия «Русского Общества» под председательством В.А. Преснякова.

Через 8 месяцев в «Рижском Курьере» (№ 406) помещена была статья с предъявленным к «Русскому Обществу в Латвии» категорическим требованием отчета по этому сбору. После того то же требование возобновлено было названной газетой в конце июня с.г. Газета «Маяк» (№ 1) по поводу этого требования предложила «Русскому Обществу» и г. Преснякову свои столбцы для напечатания отчета, а его все нет.

Итак, дела «Русского Общества в Латвии» ведутся небольшой кучкой людей, объединенных личным интересом и из-за него поддерживающих друг друга, крепко спаянных, энергичных и на все умелых. Они сами себя избирают, сами себя ревизуют, сами утверждают свои отчеты. «Так собі хлопці»ничего не знают, ни во что не вмешиваются. Наплевать им на то, что и на их честь ложится пятно. Танцуют на вечерах да выпивают в буфете. А тем временем заправилы «Общества» действуют *от имени русского населения*, при всяких выборах ведут агитацию, вредящую единому русскому объединению, выставляют особый от него список и тем ослабляют русские силы. Так было при выборах в Риж. Гор Думу, так будет, вероятно, и при выборах в Сейм.

А какими защитниками русских интересов являются те деятели, которые выходят из недр Русского Общества в Латвии, можно судить по членам Общества, состоящим членами Учредит. *Собрания.* Приведу несколько примеров их отношения к русским интересам.

Обсуждается конституция, подходят к II части, в которой, между прочим, предоставляется меньшинствам пользование родным языком и право публично-правовой организации. Поступает предложение отклонить этот законопроект, не переходя к постатейному чтению. Ставится вопрос на голосование. За переход к постатейному чтению подает голос из 4 русских депутатов один Бочагов, а Пресняков, Павлов и Мельников воздерживаются от голосования, что по наказу Учред. Собрания равносильно подаче голосов за *отклонение* проекта.

Обсуждается вопрос об отделении церкви от государства. Пресняков и Мельников отсутствовали. Бочагов подает голос за отделение, а Павлов — за *подчинение* церкви государству, т.е. административной, притом иноверной власти. И это после того, как незадолго перед тем Департамент Духовных Дел обнаружил изумительную осведомленность в духовных делах, удостоверив, будто в часовне перед вокзалом в г. Риге совершаются *моления Александру III.*

Когда вырабатывался для внесения в Учредит. Собрание проект закона об автономии меньшинств, то на общее собрание представителей меньшинств ни один из названных выше трех представителей «Руск. Общ. в Латвии» не пришел, хотя о собрании и было публиковано в газетах.

Этих примеров достаточно. Прибавлю только, что отчета о своей работе в Учред. Собрании эти избранники своему Обществу не дают; по крайней мере, общему собранию.

Совершенно иное отношение председателя Нац.-Дем. Союза рус. гр., депутата Бочагова к общественному контролю: о всех своих действиях он сообщает исполнительному комитету Союза, а на годичном общем собрании делает подробный доклад.

Теперь перед нами выборы в Сейм. Судьба наша зависит от успеха этих выборов. Пора «так собі хлопцям» стать серьезнее. Пора оценить силу единения. «Русскому Обществу в Латвии» следует оставить свою политику разъединения русских сил. Оно должно осознать, что *национальное* русское объединение может быть только одно, поэтому «Русское Общ. в Л.» не имеет нравственного права выступать с особым списком кандидатов

Всякий честный русский гражданин, хотя бы и состоял членом «Русского Общества в

Латвии», должен вступить и в Нац.-Дем. Союз, принять участие в его деятельности и во всяком случае голосовать только за его список.

Всякий добропорядочный человек, нерусский по крови, состоящий в соответствующем своем национальном объединении, а кроме того и в Русском Обществе в Латвии должен осознать, что Общество это не вправе выступать на политическую арену в качестве национальной русской организации, и что такое выступление наносит вред русскому объединению. А так как это объединение в лице Нац.-Дем. Союза неизменно идет рука об руку с другими меньшинствами, то добропорядочный человек должен понять, что выступление «Русского Общества в Латвии», нанося вред Нац.-Дем. Союзу, наносит вред и всему фронту меньшинств, против чего он, как член того или другого меньшинства, обязан бороться всеми зависящими от него мерами или выйти из Общества, чтобы не быть изменником общему фронту, а следовательно — изменником и своему родному меньшинству.

Когда «Русское Общество в Латвии» перестанет выступать на политической арене в качестве *национальной* русской организации и ограничит свою деятельность объединением на частной почве людей с русской душой, независимо от национальности, когда оно заставит своих представителей отчитаться публично в доверенных им на общественные нужды деньгах, — тогда всякий от души пожелает «Обществу» успеха, а губительная для интересов русского населения страны распря между русскими прекратится.

Это так должно быть! Этого мы, русские, вправе требовать. И каждого, кто не будет с этим считаться, мы вправе клеймить именем предателя.

Н. Бордонос

(№ 3, с. 3; № 4, с. 3; № 5, с. 5-6; № 6, с. 3-4)

УЧИТЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

22 числа в Ломоносовской гимназии состоялся вечер, данный Нац.-Демокр. Союзом в честь народных учителей, съехавшихся на русские учительские курсы. Вот это была действительно русская семья! Давала себя чувствовать сердечная связь между слушателями и лекторами курсов.

От лица Н.-Д. Союза приветствовал гостей заместитель председателя Союза (уехавшего за границу) доктор В.П. Стародубский. Затем блестящую по содержанию и форме речь сказал проф. К.И. Арабажин, указавший на необходимость развития в русской среде недостаточного в ней чувства общественности, на высокое значение учительства и на подвижничество русского учителя.

Между прочим, идя в своей речи навстречу волнующему русских учителей вопросу о самоопределении белорусов, оратор объяснил, что к самоопределению вообще как к искреннему душевному стремлению надо относиться с полным уважением и что бороться следует лишь против ненормальных явлений, когда под видом добровольного самоопределения стараются «втискивать в белорусские колодки всякими правдами и неправдами, даже обманом». Оратор призывал также к искреннему признанно латвийской государственности. Речь сказана была с горячим воодушевлением и вызвала бурю аплодисментов. Хором исполнен был народный гимн на латышском языке. От учителей говорил г. Константинов (из Люцинск. у.), высказавшийся за единение с Н.-Д. Союзом.

В концертном отделении участвовал великорусский оркестр г. Травина с присущим ему успехом и хор г. Архангельского, просто удививший слушателей и силой, и прекрасной сорганизованностью. Большим успехом ознаменовалось первое в Риге выступление новой артистической силы: Нины Федоровны Соловьевой, свободной художницы, недавно прибывшей из сов. России к ранее вернувшемуся сюда мужу (г. Федоров). Молодой, свежий голос, колоратурное сопрано с мягким, приятным тембром и хорошая техника, милая, простая манера. Закончил программу А.Б. Сиротин, насмешивший публику рассказами из школьной жизни. Затем пошли танцы и игры под управлением неистощимого остроумца И.П. Тутышкина.

Президиум Н.-Д. Союза через посредство нашей газеты приносит сердечную благодарность Н.Ф. Соловьевой-Федоровой, гг. Архангельскому и Травину, А.Б. Сиротину, гостеприимным распорядительницам и всем потрудившимся по устройству вечера, в особенности — вынесшему всю тяжесть хозяйственных хлопот К.И. Перову. С искренним удовлетворением выполняем это поручение Союза.

(№ 5, с. 7)

ЧТО С ЛЕНИНЫМ?

Убит или скрылся?

Москва, (соб. кор.) В городе ходят упорные слухи, что Ленин скрылся из пределов сов. России. Слухи эти основаны на посещениях Ленина таинственными лицами, прибывшими на германских аэропланах. Убеждение, что Ленин находится вне сов. России, находит подтверждение в упорном молчании прессы о судьбе Ленина.

В советских правящих кругах чувствуется странная растерянность. Несмотря на наличие «правящей тройки», ощущается беспочвенность власти. В рабочей среде определенно тревожное настроение. Муссируются слухи, что «Ильич убит», что «Ильич бежал». На прошлой неделе на почве этих слухов произошли беспорядки: толпа рабочих с окраин пыталась пройти к Кремлю, чтобы узнать о том, что сталось с Лениным, но была рассеяна.

Вообще Москва за последнее время напоминает вулкан, в котором начинают действовать подземные силы.

С этим сообщением, полученным нами на днях, любопытно сопоставить недавно опубликованные в шведской социалистической прессе сведения, что подлинный вождь большевиков Ульянов-Ленин умер несколько лет тому назад. В Москве же находился самозванец — Мордух Пинхус — выдвинутый коммунистами, как ширма для прикрытия действий партии.

———

Лондон. «Таймс» сообщает, что «советская миссия самым категорическим образом опровергает сообщение об убийстве Ленина по пути на Кавказ».

Гаага, (Вольф). Литвинов заявил в последнем общем собрании конференции, что слухи об отравлении Ленина неверны.

Стокгольм, (Гавас). «Svenska Dagblat» настаивает на верности своего первого сообщения об убийстве Ленина.

Примененный убийцами яд — цианистый калий.

(№ 6, с. 1)

И НАШИМ И ВАШИМ

Проф. Арабажину очень не нравится, что в отчете об учительском вечере (№ 5 «Маяка») мы привели подлинные слова его о «белорусских колодках, в которые собираются втиснуть всякими правдами и неправдами и даже обманом». У профессора хватает смелости утверждать в письме на имя редактора «Рижского курьера», что приведенных слов в его речи не было. Так буквально и заявляет, хотя в действительности произнесены они были и очень громко и при большом числе слушателей. Удивительнее всего то, почему от слов, вполне разумных и могущих вызвать только сочувствие, так отбояривается их автор? Ясно, что неспроста. Мало того, приведение этих слов он называет «донесением белорусам». Почему это — донесение? Не значит ли это, что г. Арабажин по характеру своих отношений к белорусским деятелям не должен был произносить таких слов? Мы ведь в это не посвящены. Вообще по поводу отношения профессора к белорусскому вопросу нам известно лишь следующее.

В начале текущего года вырабатывался проект автономии русского меньшинства. В комиссию по этому делу приглашен был и проф. Арабажин. В трудах своих комиссия натолкнулась на белорусский вопрос, для нее недостаточно ясный. Тогда проф. Арабажин дал разъяснение, сводившееся к тому, что доброй половине всего белорусского населения Латвии, исповедующей католическую веру, грозит ополячение и что белорусское движение имеет целью не допустить ополячения, почему с этим движением следует считаться и признавать его. Несколько позже проф. Арабажин в другой комиссии по вопросу об издании русской газеты, изложив свой план издания ее под его главным редакторством и намечая смету, прямо сказал (как значится в протоколе), что при условии редактирования газеты им к ней присоединятся часть евреев и *белорусы* со своим капиталом. Но... издание газеты под главным редакторством г. Арабажина не осуществилось, после чего отношение его к белорусскому вопросу стало разнообразным, принимая один вид в одной среде и другой — в другой. Отсюда, по-видимому, и боязнь «донесения» первой о сказанном во второй.

(№ 6, с. 7)

НАШЕЛСЯ И ЗАЩИТНИК

В течение последних 2-3 недель ходили слухи, что некоторая группа лиц, недовольная разоблачениями, которые появляются в «Маяке» и вредят этой группе в предвыборной агитации, решила издавать во время предвыборной кампании свою «русскую» газету и ищет только ответственного редактора. Нам известны лица, которым делалось соответствующее предложение и которые отклонили его. И мысль об издании своей газеты, по-видимому, оставлена. Найден способ более простой.

Одна местная газета в последних номерах своих, беря под свою защиту «Русское Общество в Латвии», открыто выступает против «Маяка». А о союзе русских граждан говорит, что он «едва ли может быть поставлен в пример другим общественным организациям в Латвии».

Известно, что все время эта газета, (как и все «Курьеры»: Поранные, Познанские, Варшавские и др.) питалась защитою польских интересов; теперь поле деятельности ее расширяется поддержкой розни и неразберихи среди русских. Эта новая задача не противоречит первой, основной. Напротив, дополняет и углубляет ее.

Русским людям надо иметь это в виду и выявить свое отношение к такой газете.

(№ 9, с. 2)

РАДИ НОВОГО МУНДИРА

Разворачиваю № 2 новой газеты, таинственный редактор которой по праву может сказать: «хоть *День*, да мой!»

Вижу — огромная статья: «Сменовеховство». Посвящена усердному выяснению того, что и так всякому известно, а именно — что сменовеховство есть хамелеонство, что в нем нет «никакой смены вех, простое приспособительство к более выгодному, сытному». Итак, автор путем долгого размышления открыл Америку. Обыкновенно наивные открыватели америк добродушны. Конечно, и не умны. Второй особенности нельзя отрицать и в данном случае. Нужен, например, особый ключ, чтобы расшифровать такую тираду:

«Жалкие и продажные люди упрекали вехистов в «измене» прежним знаменам и готовы были подозревать (*заподазривать?)* честность и бескорыстие этих людей; Струве ведь был социал-демократом: большинство людей и газетчики в особенности меряют всех своей грязной меркой».

Поняли что-нибудь?

Что касается другой черты открывателей америк, добродушия, то тут, наоборот, наличествует отчаянная злоба. И не против хамелеонов, а против русской народности.

Статья начинается так (курсив наш):

«Русский человек удивительно оригинален. Он умеет все перевернуть шиворот на выворот, придать каждому слову самый неожиданный, можно сказать — внезапный смысл. Оттого ли, что *нет в русской культуре традиции*, памяти прошлого и знания его, или от *бесшабашного легкомыслия* и... даже *недобросовестности*, — трудно сказать. В *голове русского человека ничто не задерживается*, в его сердце и прошлого не жаль, и нового, по существу, нет. Он *непрерывно сжигает то, чему поклонялся и поклоняется тому, что сжигал*».

Хорошенькая характеристика? Это посильнее, чем пишут о нас в шовинистических газетах. Там опасаются русификации, т.е. пленения душ превосходными качествами, а здесь вызывают к русским отвращение. Шовинисты, конечно, примут это и спасибо скажут.

Есть и еще перлы:

«Мы, русские, ведь, не умеем бороться за свободу на жизнь и смерть».

«Умирать за свободу мы не умеем. Мы любим отсиживаться у себя дома».

Не клевещите, г. автор, на русский народ, ни на русскую интеллигенцию, если даже подразумеваете только ее!

История русского народа, старая и новейшая, не в состоянии перечислить всех примеров жертвования жизнью за свободу и не только свою, но и чужую. Тысячи *добровольцев* разных слоев общества в 1877 г. несли свои жизни на Балканы для освобождения братьев-славян. И один ли это раз?.. А последние годы не дали таких примеров?

Вы клевещете как раз в такую пору, когда и без того против нас поднимается злоба шовинистов. Вы отлично знаете, как позволяют себе говорить, будто русская литература дурно влияет на молодежь. Вы знаете, что не далее, как на днях, в одной газете называли *наглостью* употребление русского языка на улице. И при таком отношении к русским вы в своей газете устраняете всякое основание к уважению русского народа, удостоверяя, что русский человек бесшабашно легкомыслен, недобросовестен, с пустой головой и пустым сердцем, что он не способен на самоотвержение и более склонен отсиживаться дома. Уж подлинно рисовал дядя, на себя глядя. Так и говорил бы о себе, писал бы свою личную исповедь, но не позорил весь народ.

Однако кому же русский человек обязан такой аттестацией? — спросит читатель.

Статья подписана полной подписью соответственно важности заключающихся в ней показаний: «Проф. К.И. Арабажин».

(№ 16, с. 2)

ПАМЯТИ Н. ГУМИЛЕВА

(† 2 сентября 1921 г.)

Недавно была одна печальная годовщина: годовщина смерти А. Блока, как уже подоспела вторая. Трагична смерть А. Блока в умира-

ющем пустом городе, от цынги, на почве постоянного недоедания, но не менее трагична смерть Н.С. Гумилева в застенках чрезвычайки Петрограда.

Кажется, скоро для нас, изгнанников, случайно уцелевших от большевизма и его последствий, весь год будет состоять из таких «годовщин»... Эти две смерти незабываемы. Слишком велика потеря для русской поэзии.

Гумилев — крупная величина. Это последний бриллиант чистейшей воды на замкнувшемся ожерелье рус. классической лирики. Он был один из многих, не увлекшихся общим стремлением стихийного разрушения старых форм, но сумевших оживить эти формы музыкальной силой своего большого таланта. В классически четкую размеренность старинных сонетов он вдохнул острую утонченность переживаний современности, и поэтому образы его, часто переносящие в другие эпохи, всегда жизненны и необычайно ярки...

Поэзия Гумилева, это — причудливо-романтичная сказка, облеченная в строгие классические формы, смягченные и одухотворенные пленительной напевностью.

Гумилев — менестрель средневековья, очутившийся в современной нам обстановке, но не растерявшийся от неожиданности, а продолжавший петь старинные сказания свои на понятном нам языке.

Прелестны переводы Гумилева. Стихи Шелли, Оскара Уайльда и многих других переведены им с безупречным сохранением мысли, размера и всех особенностей авторов...

Особенно хорош перевод Оск. Уайльда «Сфинкс»...

Со смертью Гумилева замкнулся магический круг нашей классической лирики. Бог знает, найдется ли кто-нибудь, сумеющий разомкнуть его.

Александр Ли

———

3 сентября с. г. в Риге, в больнице на Александровской выс. умер брат поэта Гумилева Д.С. Гумилев. Покойный летом прошлого года прибыл из Совдепии.

(№ 16, с. 3)

ТЕАТР

К открытию сезона в Русской драме

В субботу начались спектакли в русской драме. Не приходится и говорить, какое важное значение имеет этот факт в жизни гор. Риги.

Русская драма, достойно поддержавшая лучшие традиции русского искусства в прошлом году, в этом сезоне обещает дать еще больше: за это говорят имена Незлобина, взявшего на себя главное режиссерство, и Рощиной-Инсаровой, вступившей в обновленную труппу театра. Состав труппы, о котором сообщалось уже в «Маяке», несомненно, стоит на высоком уровне. Большинство актеров уже зарекомендовало себя с хорошей стороны рижской публике; новые — создали хорошую репутацию на других сценах. Отсутствует Барабанов, сумевший в прошлом году привлечь симпатии рижан.

В день открытия спектаклей в помещении театра был отслужен о. Николаем Шалфеевым молебен, и это — штрих, подчеркивающий стремления дирекции театра сохранить русские традиции.

Сердечно приветствуя дорогой русскому сердцу театр, мы надеемся, что и в этом году он будет служить неисчерпаемым источником радостей, которые дает наше родное искусство и наш театр в особенности.

Л. К.

«Флавия Тессини»,
пьеса Щепкиной-Куперник

Существует обычай открывать театральный сезон постановкой крупного классического произведения: «Ревизора», «Горя от ума», «Маскарада». Любители театра с замиранием сердца ожидают этого театрального «парада», на котором, кстати, знакомятся и со всеми силами труппы. В текущем году Русская Драма не могла соблюсти этой дорогой сердцу театралов традиции по обстоятельствам, от дирекции театра не зависящим, именно за неполучением до сего времени багажа с костюмами. Сезон открыт был пьесой Щепкиной-Куперник «Флавия Тессини». Пьеса скучноватая, со слабо развитым действием и длинными разговорами. Лишь последний, четвертый акт полон драматизма. Идея пьесы такова: счастье от дарованного судьбой таланта, это — тачка, к которой человек прикован, как каторжник. Он уже не принадлежит себе. Он — раб своего дарования. Из пьесы мы видим, что счастью сопутствует легкомысленное отношение к самым дорогим людям (в данном случае к любимым отцу и мужу) и только лишение этих дорогих людей, только тяжелое горе отрезвляет, приводит к сознанию (увы, позднему!) и обостряет заглохшее чувство. Но есть любовь, полная самоотвержения, бескорыстная и всепрощаю-

щая (в данном случае — у мужа героини пьесы).

Начинается пьеса в среде бедной еврейской, продолжается в богатой интернациональной. Заглавную роль играла Е.Н. Рощина-Инсарова, создавшая вполне определенный, ясный для зрителя образ. Великолепно переданы нервозность, капризность и взбалмошенность женщины, из бедного подвального жилища быстро вознесенной до положения кумира изысканной публики. А ужас и отчаяние души, проснувшейся от потрясения, но не могущей уже исправить содеянного зла, передавались зрителям, охватывали и томили. Хорошим партнером артистке был Г.М. Терехов, а также и М.Я. Муратов в последней, сильно драматической сцене.

Неподражаема была Л.Н. Мельникова в роли простой киевской еврейки.

У Н.П. Маликова роль (антрепренера) крохотная, но когда он ее исполнял, мы в зрительном зале, после скуки первого и половины второго актов точно посвежели, на нас пахнуло воздухом старой императорской Александринки.

Очень мила была О.А. Кондорова. Красиво комичен был В.Л. Ченгери в роли репортера Тшембецкого.

Вообще, ансамбль был ровный и спектакль надо назвать удачным.

Н.Энбе

(№ 27, с. 3)

РОЩИНА-ИНСАРОВА

Краткий биографический очерк

Талант Рощиной необыкновенно индивидуален, не буду говорить о величине его, не стану сравнивать ни с кем, а просто скажу: я таких еще не видал! Интонации, мимика, пластика, нарастание драматической силы, форма диалога, рисунок роли — нет, нет, это что-то действительно исключительное!

Ю.Д. Беляев

(*«Нов. Время» 12 января 1916 г.*)

Это написал о лучшей русской драматической артистке один из самых талантливых театральных критиков, знаток и тонкий ценитель сцены, покойный Юрий Дмитриевич Беляев. По этой коротенькой, но весьма яркой выдержке из статьи Ю.Д. можно судить о том исключительном месте, которое занимает Рощина-Инсарова в нашем драматическом искусстве.

Екатерина Николаевна Рощина-Инсарова родилась 12 июня 1883 г. в Москве. Отец ее был известный актер Николай Петрович Рощин-Инсаров (Пашенный), любивший театр с юношеских лет и ради него бросивший Сумской гусарский полк, в который вышел из Николаевского кавалерийского училища. Несмотря на молодые годы Н.П. быстро занял блестящее положение на сцене. И свою исключительную талантливость и любовь к сцене Е.Н. наследовала от отца. Первый раз Е.Н. появилась на сцене с разрешения отца в летнем театре в Виннице в водевиле «Я большая». Ей было тогда 14 лет. Отец ее, противившийся раньше желанию Е.Н. поступить на сцену, был поражен необычайной даровитостью дочери и с этого дня не препятствовал ей сделаться актрисой.

После трагической смерти отца 8 янв. 1899 г. оставшаяся без всяких средств Е.Н. попадает в драматическую труппу к известному киевскому антрепренеру Н.Н. Соловцову и дебютирует в роли Глаши в «Грозе».

В течение 4 лет Е.Н. играла в разных труппах, между прочим в Москве, в театре Корша и в других городах. Перед петербургской публикой Е.Н. появилась впервые в Озерках, в труппе Некрасовой-Колчиной в 1904 г., после чего режиссер Литературно-Худож. театра Е.П. Карпов пригласил ее в свою труппу. Но, к сожалению, Е.Н. не могла воспользоваться этим приглашением, так как уже была связана контрактом на сезон 1904-1905 г. с самарским антрепренером Кручининым. По окончании сезона Е.Н. приехала в Петербург, где вступила в труппу театра Литерат.-Худ. Общества и пробыла в ней четыре сезона подряд, имея громадный успех. Дебютировала Е.Н. в роли Марьяны в пьесе Потапенко «Искупление», а для бенефисов ее ставили новые пьесы «Коринфское чудо» А.И. Косоротова и «Любовь» Потапенко.

Последующие выступления Рощиной-Инсаровой с 1909-1910 — в театре Незлобина в Москве в пьесах «Анфиса», «Тайфун» и «Обнаженная» были сплошным триумфом. Результатом московского успеха артистки было приглашение ее на сцену Императорского Малого театра. Отсюда Е.Н. на втором сезоне была переведена в Петербург в Александринский театр, где с ней возобновили контракт на 4 года с окладом в 18 т. рублей.

Из лучших ролей Рощиной-Инсаровой можно назвать Катерину (Гроза), Магду (Родина), Нору (Нора), Анну (Цена жизни), Нину (Чайка) и Соню (Дядя Ваня).

В 1918 г. Е.Н. Рощина-Инсарова покинула Александринский театр и уехала на Украину,

где выступала в Харькове в антрепризе Синельникова. Затем пробыла некоторое время в Ялте, откуда приехала в Одессу и в 1919 г. при первой эвакуации выехала на о. Мальту, где прожила полгода. В этот период своей жизни Е.Н. не появлялась на сцене по семейным обстоятельствам. После Мальты Е.Н. прожила некоторое время в Риме, а затем переехала в Париж, где выступала с колоссальным успехом в театре Monceay во французской труппе. В этом театре ставилась между прочими пьеса «Власть Тьмы», выдержавшая 30 представлений при участии Е.Н.

Перед отъездом из Парижа Е.Н. выступила в 4-х русских спектаклях в пьесах «Цена жизни» и «Осенние скрипки».

Приветствуя талантливую артистку здесь в Риге, искренно ее благодарим за тот праздник, который связан с ее появлением на сцене нашей Русской Драмы.

Александр Ли
(№ 30, с. 2-3)

НЕЗЛОБИН

(Краткий биографический очерк)

Есть имена, которые так близки и дороги сердцу каждого интеллигентного русского человека.

Кому из любящих русское искусство незнакомо и не дорого имя — Незлобин? Это имя пробуждает горделивое сознание о высоко поднятом знамени русского драматического искусства, о нетленной славе нашего театра.

Константин Николаевич Незлобин (Алябьев) родился в Петрограде, в средней купеческой семье. С юношеских лет он увлекся театром и стал участвовать в различных любительских спектаклях. Но любительские спектакли не могли удовлетворить К.Н., стремившегося к настоящему, не дилетантскому искусству. И вот он, продолжая играть в любительских спектаклях, начинает брать частные уроки у артистов Александринского театра Сазонова и Чернявского.

Блестящие способности молодого актера обратили на себя внимание петроградской публики. О нем заговорили.

На один из клубных спектаклей с участием К.Н. попал небезызвестный режиссер Н.К. Стрельский.

Увидев игру Незлобина и оценив ее по достоинству, Стрельский предложил ему поступить в его труппу, игравшую в Одессе. К.Н. дал свое согласие и в течение сезона 1893 г. играл в означенной труппе. По окончании сезона К.Н. составил свою собственную труппу. Это уже было началом его режиссерской деятельности; с 1893 г. по 1902 К.Н. Незлобин последовательно держал антрепризу, один год в Ярославле, затем 6 лет в Вильно и 2 года в Нижнем Новгороде.

В 1902 – 1903 г. Незлобин приезжает в Ригу и основывает Русскую Драму (2-й городской Русский театр); здесь К.Н. режиссерствует в течение 8 лет подряд, сразу завоевав горячие симпатии рижской публики.

Дальнейшая деятельность К.Н. Незлобина, открытие им театра в Москве, его режиссура в Петрограде известна каждому.

Неоценимы заслуги К.Н. перед русским театром. Красноречивее всяких слов свидетельствует о них громадное количество адресов, поднесенных Константину Николаевичу за все время его деятельности.

Каждая строчка этих, тепло и задушевно написанных, бесчисленных адресов говорит о проникновенном, вдумчивом и бережном отношении К.Н. к драматическому искусству и личности актера.

Александр Ли
(№ 32, с. 3)

Д.Н. МАМИН-СИБИРЯК

(К 10-летию со дня кончины)

Десять лет тому назад 2 (15) ноября 1912 г. в Петербурге скончался, после тяжелой и долгой болезни, один из популярнейших русских писателей Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк.

Произведения его не утратили своего значения до сего времени; спрос на них до сих пор не падает, несмотря на нашедшие отклик новые веяния в русской литературе.

По непосредственности дарования, по богатству наблюдений и бесподобной передаче изображаемого быта Мамин-Сибиряк может быть сопричислен к плеяде славных русских писателей, обычно называемых «классиками». В произведениях Мамина-Сибиряка поражает знание обширного круга жизненных явлений, умение разбираться в этих явлениях с систематической последовательностью. Кругом явлений, подвергнутым покойным писателем всестороннему художественному исследованию, был Урал с его многогранной и своеобразной жизнью. Урал — настоящий клад для бытописателя; он дает такое богатое поле для наблюдений, такой неисчерпаемый запас типов, картин и бытовых черт, что даровитому художнику есть где развернуться и показать свои силы.

Мамин-Сибиряк наблюдал Урал в переходное время, когда старый уклад жизни сменялся новым под натиском техники и капитала. Таким образом, бытописателю Урала пришлось наблюдать его «в движении», в брожении и борьбе, в переходной стадии, исполненной бури и натиска. Самый склад художественного творчества у Мамина-Сибиряка требовал изображения «жизни в движении», а не в покое. Жизнь, ее пестрота и краски привлекали его. Поэтому во всех его произведениях так много движения и фабулы. Мамин-Сибиряк — прекрасный пейзажист в беллетристике: в своих романах и рассказах он дает великолепные картины, спокойные по тону и настроению, — и это пейзажное настроение уживается у него с запечатлеваниями быстро сменяющихся волн житейской борьбы. Мамин-Сибиряк в своем творчестве не довольствовался небольшими рассказами и эскизами. Он писал и их, но главною, любимою формой у него был крупный эпический роман, с широким захватом фабулы и художественного материала, с множеством действующих лиц и яркими массовыми народными сценами. Такими сильными и яркими сценами изобилуют все его романы: «Горное гнездо», «Братья Гордеевы», «Приваловские миллионы», «Золото», «Три конца» и другие. Даже в первоначальных его произведениях, например, в очерках «Бойцы» эти сцены написаны мастерской кистью.

Излюбленными героями произведений Мамина-Сибиряка являются сильные люди, — сильные не только телом и духом, но и традициями. Это — люди, полные ума, энергии и «древняго благочестия», любят дело и умеют вести его крепкой рукой. Это не образцы добродетели, ибо у них древлее благочестие уживается с жестокостью, хитростью и самодурством, но, так или иначе, они представляют собою созидающую и правящую силу, которая и вступает в борьбу с промышленным хищничеством. К таким типам (например, жестокий самодур Федор Якимович в «Братьях Гордеевых», старик Бахарев в романе «Приваловские миллионы» и др.) Мамин-Сибиряк относится с несомненной любовью, несмотря даже на резко отрицательные стороны многих из них. Столь же излюбленными типами в произведениях Мамина-Сибиряка являются лица, сильные своей местной самобытностью, уральские рабочие, раскольники-кержаки, разного рода бродяги и т. д. К числу таких любимых автором героев относятся сплавщик Савоська («Бойцы»), разбойник Марзак («Не у дел) и др.

Таков Мамин-Сибиряк, как певец Урала. Таков же он и как автор значительного числа произведений, не имеющих прямого отношения к Уралу: в его автобиографическом романе «Черты из жизни Пепко», в прелестных «Аленушкиных сказках» и множестве других.

Количество написанных Маминым-Сибиряком произведений громадно. Это был на редкость плодовитый писатель. И думается, что потому он так много писал, что торопился жить и обнять в своих произведениях «тысячи других жизней».

В. Гадалин
(№ 36, с. 3)

НА ПОМОЩЬ ШКОЛЕ

Вчера состоялось организационное общее собрание школьных советов русских представителей русских общественных организаций, родителей и вообще тех, кому дороги интересы детей и просвещения.

Собрание открыл г. Массаковский, предложивший избрать председателя. Был избран член Сейма А.С. Бочагов. Обсуждался план деятельности Родительского общества и были избраны председатель об-ва и Правление его.

Председателем общества избран член Сейма А.П. Корецкий, а членами правления гг. Шалин, Стародубский, Тихоницкий, Кузнецов, Лишина и Якоби. В члены ревизионной комиссии избраны гг. Беггров, Булатов и Массаковский.

Большая работа предстоит Правлению родительского Общества, которому, как организации, объединяющей широкие круги русского населения, придется высказывать веское мнение по вопросам не только воспитательного, но и правового и социального характера. Придется ему озаботиться о снабжении статистическим и иным необходимым материалом, подготовленными проектами и т.п. наших депутатов в Сейме, в которых оно найдет твердых и умелых защитников справедливых требований.

Но без поддержки всего населения, без материальных жертв с его стороны Правление общества бессильно будет сделать что бы то ни было.

О тяжелом положении русских школ, особенно в Латгалии, о крайней нужде, испытываемой русскими учащимися, о неясности и непрочности самых элементарных прав русского меньшинства на национально-культурное самоопределение и, в частности, на свободное пользование этими правами в столь

близкой родителям области, как воспитание и образование много уже говорилось. Другие меньшинства давно создали аналогичные организации, работающие с большим успехом. Достаточно указать, что сбор на школьные нужды, устроенный в нынешнем году немецким Родительским союзом дал около 4 миллионов рублей, т.е. значительно больше того, что ассигнуется на немецкие школы правительством.

Если бы каждый из русских пожертвовал по 10 р., т.е. сумму совершенно ничтожную по нынешним условиям, то очень многие существенные нужды русской школы были бы удовлетворены.

Без нас самих никто для нас ничего не сделает. Поэтому все по мере средств — на помощь школе!

(№ 37, с. 3)

МЫСЛИ ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ

В дни молодости Андрей Белый занимался модернистическими изысканиями в области «искусства для искусства». Увлекала его мистика хлыстовского «серебряного голубя» и задача инструментовкой гласных в прозаической речи музыкально очертить лицо Петербурга.

Белый в самый разгар исторического сдвига начал развивать свою индивидуалистическую эпопею, которую он считал «делом всей своей жизни». В дни революции Андрей Белый не стал на сторону коммунистов, он продолжал создавать «Записки мечтателей» и негодовал на душителей русской литературы, лишающих его возможности свободно отдаться творческой деятельности. Всеми силами он стремился освободиться и уйти от этого произвола и насилия, и лишь два года спустя он мог покинуть Россию. В Берлине он в газете «Голос России» помещает свою статью под названием: «О духе России и духе в России», в которой метко говорит о психологическом разложении русского народа.

Начинает Белый свои мысли о России так:

«Россия распылена, как зола. Нет, — расширена, вес увеличен ее. — В России — неосязаемый «плюс» или «что-то», чего прежде не было. Сознание русских в России расширено; я вот, писатель, был вынужден переменять роды службы, писать в холоде, читать курс за ботинки и шапку; все это печально… Два года стремился из бедной, голодной, тифозной России.

И понял на Западе, здесь, что в голодной, тифозной России вооружился единственным опытом выхождения из себя самого, на писателя посмотреть оком дворника, приобщая и дворника к интересам писателя.

— Великолепно описана Достоевским смерть старца Зосимы. В монастыре ожидали, что будет: прославится ль тело или — протухнет оно. Ждали чуда; иные ходили обнюхивать гроб как один любопытный монашек, он первый разнес, что «протух». Алеша же над гробом «протухшего» тела увидел живо нетленное тело: «увидел Христа трапезующего».

— Не думайте, — заканчивает Белый свою пламенную статью, — что современные русские не умирают в сомнениях, в разрушениях, в болях; все — есть; но есть и иное: видение живой и нетленной России. Не «принюхивающимся» монашкам различить Духа жизни России от «духа» улиц»...

Андрей Белый видит чудо; видит «живое, нетленное тело» России среди гниющих развалин разрушенного прошлого. Он верит, что Россия не умерла, а, напротив, продолжает, только более потаенно, свое историческое горение. Она дышит подлинным духом жизни, обремененная великими ошибками и великими страданиями, но одухотворена видением своего воскрешения, которому рано или поздно суждено придти. Это прекрасно понял Блок, увенчавший в своей поэме «Двенадцать» буйный разгул двенадцати красногвардейцев над вьюжной поступью Христа. Это понял Андрей Белый, заявивший во всеуслышанье:

— Россия — не в павших, а — в устремленных горем, в окрыленных и взывающих: «Буди».

Д. Цымлов

(№ 40, с. 3)

ТЕРЕХОВ

(биографический очерк)

«В исполнении Терехова
есть подкупающее благородство тона,
чуткая способность уловить границу,
переступив которую, артист оказывается
уже по ту сторону сценической правды».

Это писалось о молодом актере Терехове в те времена, когда он впервые появился на сцене. Теперь из робкого дебютанта Терехов вырос в крупную величину, артиста вдумчивого, не идущего по проторенным и изжитым путям.

Но искание новых путей, неудовлетворенность мятущейся души не перебросили его за ту роковую черту, где жизненная правда становится карикатурой, а естественность — позой.

Чуткость, которую отметил критик, неизменная спутница Терехова и теперь, с тою разницей, что то, что было в начинающем актере

бессознательным художественным инстинктом, продумалось и утончилось сценическим опытом.

Гавриил Матвеевич Терехов родился в 1891 г. в Подольской губернии. Образование получил в Киеве, в 1-й гимназии, и затем там же в университете. С 3-го курса юридического факультета Г.М. неудержимо потянуло на сцену. В 1913 г. он впервые выступает в антрепризе Беляева, в Екатеринославе, в амплуа вторых любовников. Однажды, совершенно неожиданно для самого себя, Г.М. приходится замещать в пьесе «Старческая любовь» не поладившего с администрацией Б. Глаголина. Без всякой подготовки, с одной только репетицией, Терехов блестяще играет трудную роль Петра.

В результате приглашение антрепренера Синельникова на сезон 1914-15 г., где Г.М. окончательно приобщается драматическому искусству в труппе старых «соловцовцев» в Харькове и Киеве. Все-таки, несмотря на прекрасный успех, Терехова не удовлетворяет провинциальная сцена, и в сезон 1916-17 г. он разрывает заключенный было контракт с одесским антрепренером Сибиряковым и едет в Петроград по приглашению К.Н. Незлобина.

Первой пьесой, открывшей сезон у Незлобина, была «Пригвожденная» Винниченко. Терехов выступил в ней в роли Родиона и был оценен и выделен критиком Юрием Дмитриевичем Беляевым, который сразу признал в молодом, приехавшем с юга актере большой и свежий талант.

Петербургская публика с большим вниманием отнеслась к новому артисту. Театральные критики единодушно приветствовали в нем большие сценические данные.

В 1918 году Г.М. попадает в Москву в театр Корша, будучи вызван туда телеграммой для замещения ушедшего первого любовника, игравшего там 16 лет. Случай этот характерен и подчеркивает даровитость Терехова, т.к. Корш, привыкший к постоянному наплыву ищущих ангажемента актеров, редко кого приглашал, а тем более вызывал телеграммами.

У Корша Терехов выступает вплоть до 21-го года; но невозможные жизненные условия заставляют его уехать из России.

И вот уже второй сезон мы имеем удовольствие видеть талантливого артиста в Риге на сцене Русской драмы.

Александр Ли

(№ 42, с. 3)

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ ШКОЛЫ

На днях в Режице закончился съезд русских учителей. Участвовало их в съезде человек 70, большею частью — сельских учителей Режицкого уезда; были представители и от люцинского учительства в числе 5 лиц. Еще до съезда по школам были разосланы анкетные листки для заполнения статистическими сведениями. К съезду этот материал был получен и разработан, так что труды съезда опирались на фактические, цифровые данные. Материал неоспоримый и рисует картину чудовищную; какой, очевидно, никто не ожидал бы в нашей культурной стране, где первоначальное образование по закону *обязательно* уже в течение более, чем ста лет.

Русских основных школ с полным числом классов в Режицком уезде не оказалось вовсе. Число учителей не соответствует установленной пропорции к числу учащихся: число последних в школах колеблется между 40 и 75, а учителей обычно 1, редко 2. Помещения не удовлетворяют самым скромным требованиям, обыкновенно — наемные; зачастую в избах, притом не ремонтированных, с протекающей крышей, неисправными окнами, перекосившимися, не закрывающимися дверьми. Тесно и холодно. Нередкое явление, что одна учительница занимается с двумя-тремя классами одновременно, в одной комнате. Общежитий нет, хотя некоторые школы обслуживают район до 10 верст расстояния от школы, тем более, что иной раз школа помещается не в центре, а на краю своего района. На хозяйственные нужды школ отпускаются ничтожные суммы: 250-350 р. в месяц; лишь немногие школы составляют счастливое исключение, получая по 750 р.; это — школы со смешанным составом учащихся: латышей с русскими. Дрова доставляются неаккуратно. Сторожей нет; учитель, он же и сторож, сам носит дрова и воду. Керосин не отпускается ни одной школе.

Осуществляется ли в Латгалии закон о всеобщем обязательном обучении? По статистике, из числа русских детей школьного возраста посещает школу примерно только одна треть. Так, например, в Солуйонской волости из 220 детей в школу ходит 60, в селе Панове из 260 — 66. Во-первых, в школе негде поместиться, во-вторых, у детей нет то обуви, то теплой одежды, школьных принадлежностей и т.п. Ни одна русская организация не оказывает помощи. Та жертва, которую посылал Дамский Комитет при Нац.-Дем. Союзе латгальским школам (в 1921 г. — 35 т. р.) тонула в море нужды, так что

никто из участников съезда об этой помощи даже и не слыхал.

Инспектор русских основных школ бессилен посещать все школы и давать руководящие указания. Такую безотрадную картину рисует точное обследование по Режицкому уезду. Представители Люцинского уезда засвидетельствовали, что то же самое наблюдается и в их уезде с добавлением еще привнесения в школьное дело белорусской политики. Согласно докладу г. Селунского, некоторые русские школы превращены в белорусские, не взирая на протест родителей и вопреки постановлениям своих школьных советов. Несколько таких школ, ставших белорусскими, обратились к Школьной Управе с просьбой считать их снова в числе русских. Правильность доклада г. Селунского подтвердили гг. Константинов, Петров и др.

В виду такой разрухи и беспомощности русской школы, в виду того, что нужна сила, могущая добиться хотя бы исполнения закона по отношению к русской школе, чего писанием бумаг не достигнешь, — съезд пришел к признанию, что создавшееся положение выдвигает совершенно исключительную точку зрения при подыскании кандидата для замещения открывшейся вакансии начальника Русского Отдела Министерства Образования. Задача состоит не в приискании лица с педагогическими талантами, ибо нечего и думать при таком положении о наилучшей постановке учебной части, пока школа не обеспечена средствами, пока не произведена необходимая хозяйственно-организационная работа. Приходится теперь думать о привлечении *влияния*. Не имея в виду никого, на чье значение и силу можно было бы положиться, учительский съезд остановился на мысли, чтобы на первое, так сказать — организационное время управление Русским Отделом Мин. Обр. поступило к русской фракции Сейма в лице одного из ее депутатов. В печати появился даже слух, будто фракция наметила уже и кандидата; но мы из достоверного источника осведомлены, что никакого решения по этому вопросу фракцией не принято. Да и не могло этого быть без совещания с широкою общественностью. Во время Учредительного Собрания лицо, представлявшее русскую нац.-дем. фракцию, ничего не предпринимало без совещания с Нац.-Дем. Союзом рус. граждан. Нет оснований предполагать, что нынешняя русская фракция Сейма изменит этой традиции.

(№ 43, с. 2)

К 30-ЛЕТИЮ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Максим Горький, несомненно, принадлежит к числу больших русских современных писателей, и потому празднование его тридцатилетней литературной деятельности, казалось бы, должно было бы быть торжеством для всех русских людей. Но в действительности оказалось далеко не так.

По всем странам, где только разбросана русская эмиграция, скромно чествовали и отмечали этот день, кроме беженского Парижа и... советской России. Правда, небольшая группа русских и французских художников в Париже на страницах своего журнала «Удар» уделила несколько скромных строк. Что же послужило к тому, что два, так называемые «крайних полюса», Совдепия и центр русской эмиграции, одинаково равнодушно отнеслись к знаменательному дню такого крупного современного русского писателя?!

В дни революции Максим Горький, хотя и с колебаниями, и с оговорками, но все-таки стал на сторону революции и даже на сторону коммунизма. Помнится, в газетах даже кто-то обмолвился: «Максим Горький — символ русской революции».

Горький пытался осмыслить Россию и революцию. Он искал и спрашивал, где тот добродушный и созерцательный русский крестьянин, неустанный искатель правды, которого так прекрасно и убедительно описывала русская литература XIX века. Он искал его по всей русской земле и не нашел. Он находил везде грубого реалиста, хитрого мужика, который, когда ему это было выгодно, умел прикидываться дураком. Вот и все. Горький не нашел в условиях нынешнего социального быта на всей русской земле ни одного «неустанного искателя истины и справедливости» и, не найдя такового, разочаровался. Вскоре покинул он советскую Россию и обосновался в Копенгагене.

Горький усумнился в коллективе, усумнился в России и через это самое усумнился в закономерности, необходимости и исторической целесообразности русской революции.

Психика этого писателя неожиданно парадоксально вдруг пересеклась и, как в физике, вышла наружу (в писаниях, в мыслях) в перевернутом виде.

Что же случилось? Откуда такие странные изломы мировоззрений? Каков смысл этих неожиданных сдвигов, этих странных зигзагов человеческой психики перед лицом небывалой исторической были?

Смысл простой и ясный: революция еще не закончилась. Внешне мы переживаем сейчас период реакции. Революция в области мыслей еще продолжается. Идет острый и бурный, катастрофически бурный процесс осмысливания всего, что произошло; процесс обобщения, критической проверки, подведение итогов.

Как раньше, в кипении революционных страстей неожиданно поднимались на головокружительную высоту одни общественные группы и стремительно падали на дно другие, так и теперь в напряженном кипении мысли надрываются и падают вниз одни психики и победоносно расправляют в орлином полете крылья — другие. Для нас, конечно, небезынтересно, где останется, где закрепится в этом кипучем и неугасимом процессе революционной перестройки сознания такой крупный писатель, как Максим Горький.

Д. Цымлов
(№ 44, с. 2)
1923

И.Ф. БУЛАТОВ

(К бенефису)

Овладевший симпатией всей русской театральной публики в Риге Иван Федорович Булатов — уроженец Киева, где и протекли его детские и студенческие годы. В Киеве в ту пору был превосходный драматический театр Соловцова и очень высоко стоявшее Драматическое Общество. Было, чем увлечься и где развиться вкусу. Уже студентом Иван Федорович принимал деятельное участие в Драматическом Обществе, причем не мог, конечно, остаться равнодушным к выпавшему на его долю успеху. По окончании университета он вступил было в адвокатское сословие, но вскоре убедился, что бросить искусство не в силах, а отдавать ему только досуги тоже не может. Удовлетворение он мог найти только в серьезной, всепоглощающей работе в сфере искусства. Ему он и отдался, оставив юриспруденцию. В 1899 г. он поступил в известную труппу Синельникова в Ростове, второй сезон его был в Риге, когда русский театр еще ютился в «Улье», третий сезон — уже у знаменитого Корша в Москве. После того — ангажементы в Киеве, Одессе, Новочеркасске и др. Через год Ив. Фед. будет праздновать 25-летие своей артистической деятельности. Много сил, много души отдано театру... Но никогда Ив. Фед. не жалел, что пошел по этой дороге: иной он для себя и не представляет. Вот почему и зрителю так отрадно видеть его на сцене: Булатов не механический придаток к сценическому искусству, а органически связанный с ним художник-творец.

Сколько прямо противоположных типов дал Ив. Фед. за истекшую часть нынешнего сезона у нас: Хльнов («Горячее сердце»), кн. де-Шабран («Обнаженная») и маркиз де-Шарвиль («Когда заговорит сердце»), Жак Брашар («Самсон»), старый вахмистр («Вечерняя зоря») и профессор из «Закона» или Лавров из «Осенних скрипок», «Чорт» Мольнара, наконец Кречинский... Ближайший вторник интригует и волнует театралов: г. Булатов для своего бенефиса избрал роль городничего в «Ревизоре». Имея в виду наличие у нас и других талантов для ансамбля, можно предвидеть, что это за великолепный будет спектакль!

Н. Энбе
(№ 52, с. 3)

Е. А. МАРШЕВА

(К бенефису)

Прошлый сезон был первым, когда Е.А. Маршева играла в Риге, и тем не менее у всей театральной публики уже в прошлом году на устах было имя этой артистки. В текущем сезоне почетное звание любимицы публики только закрепилось за г-жой Маршевой. Приобретено оно успехом не случайным, а основанным на врожденном таланте, разносторонней, основательной подготовке к сцене и постоянном труде.

Елена Александровна Маршева, по окончании гимназии, поступила в школу Московского Художественного театра, в которой пробыла 3 года ученицей и сотрудницей. Излишне говорить, как обставлено было преподавание в школе этого театра. Между прочим, желающие могли воспользоваться там и курсом пластики по системе Дель-Сарта, которую преподавала одна из лучших учениц Айседоры Дункан Э.И. Книппер-Рабенек. Разумеется, Елена Александр., с ее характером, не могла устоять перед соблазном пройти курс пластики. Затем, когда г-жа Книппер с 5 лучшими ученицами предприняла в 1912 г. турне по Европе с трехмесячной остановкой в Лондоне, то Е.А. была уже в этой труппе пластического балета солисткой. По окончании поездки Е.А. была приглашена в Петербург в качестве артистки и танцовщицы в «Старинный Театр», во главе которого стояли известные Евреинов и барон Дризен, а оттуда через 3 месяца перешла в Москву, в «Летучую Мышь» уже в качестве премьерши театра, где и прослужила до 1915 г. Но этого рода искусство не удовлетворяло артист-

ки и она перешла в Москве же в Драматический Театр Суходольского. Через год обстоятельства личной жизни отвлекли Е.А. на некоторое время от сцены; но случайная встреча в Харькове с Н.Н. Синельниковым — и она снова на сцене в театре Синельникова, где прослужила 2 года. Затем — выступление в Константинополе, гастроли с русской труппой М.Я. Муратова в Болгарии, Сербии, служба в течение целого года в труппе Словенского Государственного театра (где играла на русском языке) и, наконец, у нас в Риге. Первые сценические шаги Е.Д. направляли такие руководители, как А.С. Станиславский, В.И. Немирович-Данченко и И.М. Москвин. Но доводилось ей работать и под режиссерством В.И. Мейерхольда, Н.А. Попова, Ю.Э. Озаровского. Понятно, что после такой подготовки из г. Маршевой образовалась артистка весьма разнообразная и способная овладевать зрительным залом. Ее неподдельная свежесть и живость просто чаруют в исполняемых ею ролях молоденьких девушек. Этой чудной юностью, святой непосредственностью любуешься, как чистой росинкой на веточке ели, когда она дрожит и играет на солнце цветами радуги... А когда нужно представить *женщину* с ее «бабьими чарами» и с бабьим ядом, то и это будет у Е.А. Маршевой выпукло, обаятельно и убедительно.

Может ли быть очаровательнее Вера в «Нечистой силе», чем у г-жи Маршевой? Или живее, убедительнее Елена в «Когда заговорит сердце»? Мадам Сан-Жен трогательнее и милее? Более убийственно женственна Ефросинья в «Царевиче Алексее»? Более знакома и близка нам, чем Наталья Ивановна из «Трех сестер»? и т.д. и т.д.

Любопытно, какой сюрприз готовит публике Елена Александровна на вторник, когда в свой бенефис поставит еще нигде не шедшую пьесу Арк. Аверченки: «Игра со смертью».

Н. Энбе

(№ 54, с. 3)

Л. Н. МЕЛЬНИКОВА

(к бенефису)

Лидия Никитична Мельникова — любимица бесспорно всей русской театральной публики в Риге, причем симпатия публики к ней носит какой-то особый характер как бы родственной теплоты: потому ли, что Лидия Никитична — давний друг рижан, еще с 1900-го, если не ошибаюсь, года, или благодаря ее чрезвычайно милым выступлениям на благотворительных вечерах, или, наконец, благодаря особой, чисто русской женской обаятельности, ей присущей сверх артистических дарований, а скорее — благодаря всем этим причинам вместе.

Сценическую деятельность Л.Н. начала именно у нас, в Риге, в последний год, когда, перед переходом в прекрасный городской театр, русские спектакли давались еще в «Улье». Затем 3 года играла в Москве у Корша, а это уж аттестация высокой степени. Затем играла 6 лет в Одессе, 4 года в Харькове в известной труппе Синельникова, снова в Одессе 5 лет и оттуда... смыта была «волною морскою» за границу. На прошлый сезон вернулась в Ригу, в которой, как дома, уже второй год. Сначала Л.Н. играла роли grande coquette и характерные, но, неизвестно по какому капризу, очень рано перешла на исключительно характерные, бытовые и даже на роли старух. И мы одинаково восхищаемся г. Мельниковой в зловещей старухе, царице Марфе («Царевич Алексей») или во властной крепостничке Мурзавецкой («Волки и овцы»), в тонирующей жене городничего («Ревизор»), великосветской мисс Абей («Женская логика»), в роли Коробовой, женщины «кровь с молоком», в томной бессоннице, разбрасывающей «все простыни» («Нечистая сила») и в киевской еврейке («Флавия Тессини»). Завтра — артистические именины Л.Н., для которых она выбрала пьесу Арцыбашева «Враги».

Н. Энбе

(№ 58, с. 3)

Н.П. МАЛИКОВ

(К бенефису)

Малоросс по происхождению, Николай Петрович Маликов окончил Театральное Училище в Киеве в памятную в истории русского театра пору деятельности Соловцовского театра, этого гнезда замечательных русских артистов: Глебовой, Киселевского, Рощина-Инсарова, Соловцова и друг. Было, кого посмотреть и где развиться благородному вкусу. Многие из этих художников драмы преподавали и в Театральном Училище, в том числе Долинов, Неделин, Киселевский. Замеченный уже в училище, по окончании его юный Маликов был принят на службу в среду своих знаменитых учителей. Потом он служил и актером, и режиссером в ряде больших городов: Ростове, Саратове, Севастополе, Харькове, Одессе, Москве, Петербурге. Еще в 1899 г. участвовал в гастрольной поездке М.Г. Савиной в Берлин и Прагу. Перед войной играл в Риге и тогда уже стал любимцем нашей публики.

Около полусотни пьес поставил для кинематографа. Талант Н.П. не ограничен сферою комического: за 25 лет своей деятельности на сцене Н.П. сыграл добрую сотню разнообразных ролей от Аркашки, Осипа, Расплюева, Мармеладова до Шейлока и Ивана Грозного. В исполнение типов, бичуемых сатирой, Маликов вносит оттенок смягчения в осуждении. Его генерал в «Нечистой силе» и пуст, и смешон, но все же чем-то незримым мил; чеховский учитель, человек в футляре (в «Трех сестрах») — трогателен (особенно в заключительной сцене); городничий Градобоев («Горячее сердце»), на что уж отрицательный тип, а есть в этом патриархальном отце городка, военном инвалиде, в исполнении Маликова, что-то милое, он не противен. Глубоко проникая в психику и затем перевоплощаясь в роль, Маликов в каждом типе из мира «пьяненьких» и темненьких всегда намекнет и на *человека*. Чрезвычайно скромный, отзывчивый и доброжелательный, Н.П. любим, как прекрасный товарищ, что и было отмечено в адресе, поднесенном ему от артистов в прошлом году в день 25-летнего юбилея.

Завтра — бенефис г. Маликова, для которого он выбрал очаровательную комедию.

Н. Энбе

(№ 59, с. 3)

М.Я. МУРАТОВ

(К бенефису)

Михаил Яковлевич Муратов окончил Петербургский Университет по юридическому факультету. На сцену вступил в 1903 г. у Яворской, затем служил у Собольщикова (Казань – Саратов), у Незлобина в Риге и в театре Леонида Андреева и Леванта, куда был приглашен специально для исполнения ролей Анафемы и Костомарова. М.Я. был *первым* исполнителем этих ролей. После того он был приглашен в Императорский Малый театр, где и прослужил до 1918 г., когда перебрался в Харьков к Синельникову. Оттуда он с группой артистов объехал Балканские государства.

В начале прошлого сезона 1921-22 гг. М.Я. основал Русскую Драму в Риге. Всем памятно, какие артистические силы привлек он и какие роскошные постановки давал он уже в прошлом сезоне, несмотря на крайние неудобства здания и отсутствие на месте приспособлений из запасов необходимого инвентаря. Не в пример русским труппам в прочих европейских центрах — Русская Драма в Риге успешно довела сезон до конца и нормально возобновила свою деятельность в нынешнем сезоне, который также успешно заканчивается. Труды г. Муратова по управлению театром разделяет Александр Ильич Гришин. Без него М. Я-чу невозможно было бы справиться и с режиссурой, и с хозяйственной и административной частью, и выступать по несколько раз в неделе на сцене.

М.Я. Муратов — актер образованный, с хорошей школой и 20-летним стажем. Внешние данные: рост, наружность, голос, — все очень выгодное. Сыграно им огромное число ролей, в комических вроде Мурзавецкого («Волки и овцы») до трагических, как Отелло. В настоящем сезоне мы любовались М. Я-чем в ролях Гутлиба («Израиль»), Кингсера («Мисс Гоббс»), Глыбовича («Игра со смертью»), Костомарова («Анфиса»), Блонделя («На полпути»), Петра Александровича («Враги») и др.

Как режиссер, г. Муратов отличается большим вкусом и огромной опытностью.

Н. Энбе

(№ 60, с. 3)

Н.Г. КОВАЛЕНСКАЯ

(К бенефису)

Нина Григорьевна Коваленская, по окончании в 1909 г. Петербургских императорских Драматических курсов, сразу принята была на сцену императорского Александринского театра. Она была в нем премьершей и была, и есть до мозга костей — артистка именно Александринского театра, плоть от плоти его и кровь от крови. Ее роли: Юдифь («Уриэль Акоста»), Джульетта («Ромео и Джульетта»), Офелия («Гамлет»), Ирина («Три сестры»), Нина («Маскарад»), Катерина («Гроза»).

Трильби Н.Г. играла в Александринке вместе с автором этой пьесы, причем отзывы столичной критики были восторженные. Эту пьесу Н.Г. избрала и для своего бенефиса у нас (завтра).

Болезненное состояние весной 1919 г. заставило Н.Г., несмотря на подписанный уже на предстоявший сезон контракт, выехать на юг; но доехать ей удалось только до Харькова, где она и была приглашена в труппу Синельникова. Затем очутилась в Болгарии и там попала в труппу, составленную М.Я. Муратовым.

Характеристичную особенность дарования Н.Г. Коваленской составляет какой-то особенно задушевный, мягкий лирический тон. Но и в трагедии она очень сильна, все же сохраняя свой мягкий тон.

За истекший сезон мы любовались г. Коваленской в бесподобной Соне («Преступление

и наказание»), Люде («Закон»), Наталье Рылеевой («Николай I»), Луизе («Коварство и любовь»), Клерхен («Вечерняя зоря»), Валентине («Враги»), Ирине («Три сестры»), Купавиной («Волки и овцы»), Параше («Горячее сердце»).

Н. Энбе

(№ 61, с. 3)

К ВЫСТАВКЕ КАРТИН Н.П. БОГДАНОВА-БЕЛЬСКОГО

18 февраля в городском Художественном музее откроется вторая выставка картин академика Н.П. Богданова-Бельского. Маститый художник готовил к выставке 55 своих работ, еще не выставлявшихся в Риге; 25 из них написаны в Латвии, остальные привезены из России. В весенней выставке его картин будут преобладать большие полотна, написанные в ярких, сочных и мягких тонах.

Н.П. сам человек жизнерадостный, на все смотрящей бодро и весело; горечь и разочарования последних лет его как бы не коснулись, и он по-прежнему пишет детвору и солнце.

Н.П. Богданов-Бельский звание академика получил в 1903 году за *известность в живописи*. Это звание для художника является самым высоким званием. 1914 г. он был избран членом академии и в то же время состоял в течение 6-ти лет бессменным председателем общества художников имени Куинджи. В 1921 году на состоявшемся собрании был избран в числе 12-ти профессором академии художеств, однако профессура в академии его мало прельщала, и он с первым удобным случаем выехал в Ригу, где в тиши гостеприимной Латвии продолжает неутомимо работать, обогащая художественный мир новыми своими шедеврами.

Среди картин, выставляемых художником, обращают на себя внимание большие полотна: «Подруги украинки», «Пастухи», «Первое предложение», «У больной учительницы», «Портрет пианистки Ирины Энери», «Среди цветов», «Старый дом», «Юный работник» и многие другие.

Прошлогодняя выставка картин Богданова-Бельского имела большой успех, а в этом году его выставка будет значительно богаче.

В. Г-н

(№ 61 с. 3)

В. Л. ЧЕНГЕРИ

(К бенефису)

Владислав Леонович Ченгери еще студентом Рижского Политехнического Института 15 лет тому назад начал выступать на сцене Русского Театра в труппе К.Н. Незлобина Служил у него еще (?) и в Старой Руссе. Затем служил у А.Н. Кручинина в Баку и в Киеве (3 сезона). Уже со второго года В.Л. стал играть такие роли, как Фридер («Семнадцатилетие»), Алексей («Дети Ванюшина»), Сережа («Юная буря»). В 1912 году был приглашен Сабуровым в Петербург на роль Толи в пьесе Запольской «Безупречная женщина». Служа с тех пор беспрерывно в течение 4 лет в комедии, окончательно перешел на роли «жен-комик». В 1916 году был призван на военную службу, но с осени 1917 года вернулся опять на сцену и служил в Ростове и Харькове. Откуда в 1919 г. волной беженства переброшен был за границу.

Играл в Константинополе, Софии, Загребе, служил год в русской труппе Люблянского Словенского национального театра. В прошлом сезоне вернулся в Ригу и служил у М.Я. Муратова и А.И. Гришина. В течение своей 15-летней карьеры играл во множестве городов Европейской России и Сибири, участвуя в трех поездках с покойным К.А. Варламовым. В нынешнем сезоне с особенным успехом им исполнены были роли: маркиза («Самсон»), Пшемьецкого («Флавия Тессини»), Силана («Горячее сердце»), Розенталя («Анфиса»), Парено («Когда заговорит сердце»), Круглика («Закон»), не говоря уже о более мелких ролях, как парикмахер в «Благодати» и др.

Н. Энбе

(№ 62, с. 3)

СОРОКАЛЕТИЕ РУССКОГО ТЕАТРА

(к бенефису Незлобина)

Завтра — бенефис Константина Николаевича Незлобина, к которому приурочивается чествование его по случаю 20-летия со времени принятия им антрепризы русского театра в Риге. Заканчивающийся же сезон является сороковым сезоном русского театра у нас.

До 1883 г. в Риге бывали русские спектакли только любительские да изредка наезжали труппы, которые неизменно прогорали, так как не было здесь ни подходящего места для спектаклей, ни инвентаря, ни даже публики, ибо русских людей было на службе мало, местные русские старожилы приобщались к немецкой культуре, распространение русского языка было слабое. К 80-м годам русская общественность несколько усиливается под влиянием русской газеты «Рижский Вестник», редактором которой был пользовавшийся общим уважением деятель, историк края Всев. Евграф. Чешихин, а после его смерти сотрудник его, очень опытный журналист Леонид Никола-

евич Витвицкий. К 1883 г. был сооружен русский дом «Улей» с целью предоставить приют различным общественным русским организациям. В «Улье» — зал со сценой и кое-какими плохонькими уборными для артистов. Зал этот теперь носит название «Палас». В нем-то и открыла в 1883 г. постоянные спектакли труппа, доведшая дело впервые до конца сезона. Так 40 лет тому назад положено было начало постоянному русскому театру. Первые годы были очень трудными: непривычка русской широкой публики к театру, недостаточное знакомство нерусских кругов с русским языком и вытекающее отсюда равнодушие к русскому театру. Отсюда — материальные затруднения и невозможность поставить дело хорошо. В виду такого положения городская дума, по настоянию губернатора М.А. Зиновьева, стала с 1886 г. отпускать русскому театру пособие по 5000 рублей в год. Реформы 1885-89 гг. привлекли в Ригу большее число русских образованных людей, быстро стало распространяться знание русского языка, среди латышской интеллигенции усилилось тяготение вместо немецкой — к русской культуре. Театр стал наполняться, дела улучшались, а вместе с тем повышалось и качество трупп. К XX веку назрела нужда в более обширном и лучше оборудованном помещении. По настоянию незабвенного губернатора В.Д. Суровцова, городское управление предприняло постройку второго городского театра для русских спектаклей. Окончен он был постройкой к осени 1902 г. Это был первый в Прибалтийском крае русский городской театр (ныне там латышская драма). Поместительный, удобный, уютный, с большой сценой, прекрасными уборными для артистов, с превосходной акустикой. Оставалось найти достойного антрепренера. А к этому времени К.Н. Незлобин (биографию которого мы дали в № 32) приобрел солидную репутацию, как артист и любящий дело антрепренер. К нему и обратились. Кон. Н–ч так увлекся мыслию поставить русский театр на окраине, где до того времени господствовала немецкая культура, что бросил данный уже в другом месте задаток и, не внимая никаким просьбам, нарушил контракт и уехал в Ригу. Здесь этот антрепренер-поэт сразу поставил дело на самую широкую ногу. Первый спектакль (“Снегурочка” Островского) заставил всех просто ахнуть: он превзошел всякие ожидания. Победа была одержана с первого сезона. Русский театр стали посещать и латыши, и даже немцы. Отзывы всех газет были неизменно благоприятные. В репертуар входили, кроме русских, выдающиеся произведения иностранных и латышских писателей.

Вот что сделал 20 лет тому назад К.Н. Незлобин.

Н. Энбе

(№ 62, с. 3)

ТВОРЧЕСТВО Н.П. БОГДАНОВА-БЕЛЬСКОГО

(По поводу выставки его картин)

Академик, профессор Академии, постоянный участник знаменитых передвижных выставок, председатель об-ва Куинжи, Н.П. Богданов-Бельский – большой художник, после которого навсегда останется след в русском искусстве и в истории русской культуры.

По сюжету Богданов-Бельский в живописи то же, что в литературе Некрасов. Оба они — певцы русского крестьянства, крестьянской детворы, русской природы. Некрасов отразил в литературе великую историческую эпоху, когда «порвалась цепь великая, порвалась, раскочилася: одним концом по барину, другим — по мужику». Бельский продолжал изображение той же эпохи в ее дальнейшем развитии: тут, с одной стороны, обнищание барства, переход родовых дворянских гнезд в руки кулаков из народа (незабываемая картина «Новые хозяева»), а с другой — насаждение в народе просвещения («Чтение в школе», «Урок», «Экзамен», «Решение задачи», «Именины учительницы»).

Следующий этап русской истории, завоевания «великой, бескровной», также дал содержание для картин Б.-Бельского: «Последний день помещика», «Социализация», «Старый дом». Тут не расстрелы, не лужи крови, а сцены мирные, и главное в этих картинах — незлобливость автора. Возьмем «Социализацию»: изба переполнена награбленным добром (фортепиано, мебель, художественные предметы); крестьянские детишки гурьбой их рассматривают, один пальцем тычет в клавиши, другой засматривает под дно рояля. Дети, как дети. Отцы награбили, а дети чем виноваты? Они милы своей детской наивностью. Sancta simplicitas...

У Б.-Бельского, как и у Некрасова — много любви к детям, и крестьянские дети фигурируют в значительном числе его картин. Есть тут и детские забавы («Таланты и поклонники», «Удильщики») и детский труд («Юный работник») и слушание сказки («Сказка»). Любит наш художник, как и Некрасов, вообще типы крестьян («Старик», «Пастух», «Деревенская девушка») и жалкую крестьянскую лошаденку

(«На отдыхе»). Несколько картин касаются охоты, но изображают только крестьянских участников — загонщиков (подростков). Та же, что и у Некрасова любовь к скромному русскому пейзажу, хотя есть и виды нашего моря.

Обыкновенно художники специализируются: кто пейзажист, кто жанрист, кто портретист; а Богданов-Бельский совмещает в своем лице все три специальности. Он — превосходный портретист. В прошлом году были выставлены портреты И.Х. Чаксте, г. Мейеровица, Станиславского, Шаляпина, Коровина, Р.Т., а на теперешней выставке — Пастухова, Орлова, Плауктина, А.М.К., Р.М.Б., Ирины Энери.

В ожидании нового этапа в истории, художник в истекшем году занимался чистым искусством, не внося в него истории.

Н.П. Богданов-Бельский чрезвычайно популярен. Его произведения известны всем бывшим подписчикам иллюстрированных русских журналов. Воспроизведены они и на открытках и во многих учебниках и книжках для первоначального чтения.

Выставлять свои картины Н.П. начал в 1890 г. в Петербурге. И тогда же была куплена его картина «Будущий инок» императрицей Марией Феодоровной (которая сама художница, ее картина есть в музее Александра III). С передвижных выставок картины его покупались для музея Александра III в Петербурге, для Академии Художеств, для Третьяковской галереи и Румянцевского музея в Москве.

«Именины учительницы» очень понравились в Риме публике, избалованной живописью, и куплены потом на выставке в Мюнхене английским любителем за большие деньги.

Собственно о нынешней выставке картин Б.-Бельского у нас в Риге скажу в следующий понедельник.

Н. Бордонос

(№ 63, с. 2)

ВЫСТАВКА БОГДАНОВА-БЕЛЬСКОГО

В предыдущей статье (№ 63 «Маяка») я охарактеризовал творчество академика Н.П. Богданова-Бельского вообще. Теперь я обращаюсь специально к настоящей выставке его картин.Она весьма разнообразна: портреты, пейзажи, жанр, натюрморты и одно *ню.* Счетом 56 полотен. Да 9 работ учеников.

С портретов Богданова-Бельского будто отраженные в зеркале глядят живые люди. Характерная для известного лица, скрытая, не выявленная на губах улыбка сквозит и на портрете; на другом — в выражении глаз, в чем-то неуловимом ясно видно довольство собой и своей судьбой. Что характерно для оригинала, то чувствуется и на портрете. Глядя на фотографические снимки с портретов Б.-Бельского, не различишь, что они сняты не с живых людей. А фотография не лжет, на ее свидетельство положиться можно.

Ничего брошенного, недоделанного в портрете нет; так, материю, из которой сделан белый пиджак, вы прямо определяете; это — английская фланель. В руках папироса, и видно, что она не погасла. В петлице цветок, сам по себе — отличный натюрморт. У нашего художника нет той высокомерной самодовлеющести, вследствие которой набросает мастер нечто эскизное и баста. Я, мол, выразил сущность, а подробности — ниже меня. Я думаю, что на гроздь винограда, созданную таким мазильщиком, не налетели бы птицы, как это случилось в древности с картиной знаменитого грека. Пусть не говорят о «прилизанности»! Прилизанность — одно, а *законченность* — другое. Есть такие мастера, довольно талантливые, которые ничего закончить не могут. Это — недоноски в искусстве. А Богданов-Бельский — художник здоровый, полносильный, творящий цельное.

Пейзажи и пейзажи, смешанные с жанром... Посмотрите вы две небольшие картины: 1) бильдерлингсгофские пески и лесок ночью при луне («Сумерки») и 2) овин на лужайке среди леса при поднимающейся луне («Осенние сумерки»). Ведь, это — элегии! Или сядьте перед большой картиной «Юный работник»: по едва заметному на свежем снегу следу тащит мальчик вязанку дров на салазках. Глубок снег, тяжело идут санки... Несмотря на изрядный мороз, у мальчика лоб мокрый. Но представьте, что мальчик проехал, и продолжайте оглядывать местность: ряд деревьев, за ними — большой дол, а дальше местность несколько повышается и снова лес, — все в белом саване. Ну, скажите: не тянет ли вас подойти к дереву, опереться на него плечом и долго постоять, вглядываясь перед собой?...

Или, если вы охотник, неужели не почувствуете, что когда вы подходили к «Весеннему ручью», из-под крутого берега его могла подняться стайка штук в 5 уток? А какая веселая вода!... Свежая зеленая травка едва пробивается сквозь мертвую прошлогоднюю траву... Прибрежные лозы еще без листвы, но уже хорошо, радостно здесь!

А вот «Бессознательные любители природы», 2 мальчика на опушке. Местность сама

говорит, что здесь должна быть тяга вальдшнепов и именно теперь. Лошадка — «На отдыхе» в роще... Какая прелесть!

Да, среди этих картин чувствуешь себя не в городе, а там, где-то на приволье. Они говорят вашему сердцу, эти картины. Они шептали свою сказку художнику, а он – хороший рассказчик красками, такой красноречивый... Мягкий, глубокий ковер из осыпавшейся листвы на картине «Пастух»... А сочные южные цветы «Из сказок мая»?... Да всего не перечислишь. Наш художник — солнцепоклонник и огнепоклонник. Он любит солнечные блики («В уголке сада», «Первое предложение», «На солнышке», «У Эдинбурга», «Сирень цветет» и др.). Любит игру огня и тени («Сказка», «Этюд света», «Бридж», «Этюд к картине», «В Бильдерлингсгофе»). Жанр у Богданова-Бельского не разлучается с пейзажем. Вот — большое полотно: «У больной учительницы». Нанесли ей васильков, колокольчиков, а мальчик принес чудной земляники и сам сидит, благоговейно глядя на свою наставницу, это чудное в его глазах существо из другого, высшего мира. Окно распахнуто, и видна дорога, вдали — колосящаяся, еще зеленая, волнистая рожь, на горизонте пригорок и какие-то строения. Простор, воздух полей!...

«Бессознательные любители природы»: 2 мальчика на опушке леса увидели вдали над лесом что-то захватывающее. Возможно, что там какая-нибудь драма: коршун схватил, птичку или что-либо в этом роде. Старший смотрит прямо безумными глазами, младший, должно быть увидал раньше и наблюдает более спокойно. Но у обоих вся жизнь, вся душа — в глазах.

Натюрморты. И на картине «Больная учительница» — чудные васильки, колокольчики и земляника, и отдельные полотна — роскошные букеты сирени среди обстановки балкона со скромно заглядывающими на него снизу с клумб живыми цветочками... Глаз не отведешь!

Наконец, тело... На песочке морского берега, еле прикрытом водою на четверть аршина вглубь, сидит спиной к зрителю нагая молодая женщина. Ноги протянуты в левую сторону, сама склонилась на правую руку. Формы прекрасного молодого тела, красивый изгиб его и грациозный поворот головки производят чарующее впечатление. Скромно, стыдливо и тем более очаровательно!

Набросав эти строки, я взял в руки каталог. Батюшки! Ну, как не сказать про «Талант и поклонник» или «В уголке зала» и т.д. и т.д.?! Да, но как же обо всем скажешь? И скучно это читать, не видя картин. Стоит упомянуть об ученических работах. Трудно поверить, чтобы люди учились только год. А между тем это так. Натюрморт г-жи Кревинг (корзинка, яблоки и кленовый лист — вещь безусловно хорошая, независимо от соображения, что это работа ученицы. Портреты г-жи Клименко также серьезное достижение. «Опушка леса» И. Шермана решительно привлекательна; «Портрет женщины» С. Флейшмана — действительно портрет, а не упражнение. Заслуживают также внимания этюды Н.А. Раковой-Топоровой. Отвлекусь немного назад. В прошлой статье своей «Творчество Н.П. Богданова-Бельского» я, припоминая картины прошлогодней выставки, немножко спутал в памяти мелкую подробность «Социализации». Потом спохватился, а картина заслуживает того, чтобы ее восстановить в точности. В избе — масса награбленного: фортепиано, трюмо, посуда и др. вещи. Девочка тычет пальчиком в клавиши, мальчик напряженно следит за этой музыкой, а другой глядится в трюмо и не надивится тому, что какую бы гримасу он ни сделал, трюмо тотчас же отражает ее с полной точностью. Вместо этого третьего мальчика я припомнил другого, из «Пробы голосов». Впрочем, это не меняет существа сказанного мною по поводу картины.

Н. Бордонос

(№ 67, с. 3)

† *ВЕЛИКИЙ ЛАТЫШ*

Вчера с чрезвычайными почестями предано земле тело скончавшегося 8 марта «старого Барона», как ласково называл народ своего любимого собирателя народной песни и вообще словесных выявлений народной души.

Сын вагера* Кришьян Барон родился в Земгалии в 1835 г. и рано остался сиротой на попечении сестры. Окончил митавскую гимназию с отличием и учился в Дерптском Университете, из которого вышел, не окончив курса, в 1860 г. Еще студентом в 1859 году написал книгу «Описание нашей родины». По оставлении Университета редактировал в Петербурге латышскую газету. В это время он совместно с другими образованными латышами работал по поднятию в своем народе национального самосознания. В то время такую деятельность легко было подвести под понятие опасной (как было с малороссийскими Шевченко, Кулишом и др.), что и постарались сделать влиятельные балты. Газета была закрыта, а редактор попал под надзор полиции в Воронежскую губернию, где и пробыл 17 лет домашним учителем

в высокообразованной семье Станкевича, В 1869 г. издал «Указатель сочинений о коренных жителях Прибалтийского края». С конца семидесятых годов продолжал педагогическую деятельность в одном из московских учебных заведений. В Москве был цвет русской интеллигенции, в среде которой покойный нашел поддержку. С 1884 г. он начал собирание латышских народных песен и вообще народного словесного творчества, каковой труд составил 8 больших томов. Последние 30 лет прожил в Латвии. Труды К. Барона издавались Российской Академией Наук. Преданный сын латышского народа, К. Барон не отделял себя от русских: великому уму шовинизм был чужд.

В похоронах «старого Барона» участвовала вся Рига, в том числе и русские учебные заведения, от основных школ до русской корпорации студентов. Студенты держали почетный караул у гроба в течение 3 дней, пока гроб стоял в Домской церкви. В похоронном шествии участвовало до 500 организаций и воинские части. В отпевании участвовало большое число разных хоров, в том числе консерватории, студенческий и др. В шествии участвовало несколько оркестров. На похоронах был президент Республики и высшие представители правительства. При погребении отданы были воинские почести. На здании университета развевались траурные флаги.

Умела Латвия почтить неутомимого труженика ее культуры. Вечная ему память!

* Вагер — староста над рабочими в дворянском имении.

(№ 69, с. 2)

СОБРАНИЕ СОЮЗА УЧИТЕЛЕЙ

Вчера состоялось в Риге общее собрание членов Союза русских учителей. Присутствовало 114 лиц. Собрание носило очень серьезный, деловой характер. Обсуждалось 2 важных вопроса о кандидатах на должности управляющего Русским отделом и инспектора русских основных школ.

По первому вопросу сообщена была собранию выписка из протокола заседания Исполн. Комитета Союза, с изложением данных, сообщенным проф. И.Ф. Юпатовым о своей прошлой деятельности и взглядах на работу, предстоящую в Рус. Отделе. Это — те же сведения, которые сообщены были и в Исполнит. Комитете Нац.-Дем. Союза (см. №№ 72 и 73 «Маяка»). К ним, по поводу предложенных вопросов, проф. Юпатов сделал некоторые дополнения, а именно: 1) что изложить план предстоящей деятельности наперед он не считает возможным, так как план этот может выясниться лишь в процессе работы, при тех условиях, которые возникнут, 2) что он не связан никакими партийными требованиями и *никакими обещаниями с той группой, которая первая выдвинула его кандидатуру.* Его цель составляет служение общерусским интересам, 3) по отношению к другим меньшинствам профессор находит желательной координацию деятельности всех меньшинств, но интересы русской школы должны стоять выше всего. С основной школой знаком не много, но сам в свое время учился в ней. Со средней знаком вполне достаточно. Находит, что ко всяким реформам надо подходить весьма осторожно. Сугубую осторожность полагает проявить по отношению к переменам в личном составе Русского Отдела, находя принципиально желательным сохранить состав, приобретший уже опыт. Что касается злободневного вопроса о национализации школ, то взгляды проф. Юпатова совпадают со взглядами, разделяемыми большинством учительства. Преподавание закона Божия в школах должно быть поставлено наилучшим образом. В рознь между старообрядцами и православными профессор не верит, считая, что она была раздуваема и существовала только на бумаге.

Дав свои показания и после того, как никто из присутствовавших не имел более вопросов, г. Юпатов оставил собрание, и вопрос о его кандидатуре продолжался обсуждением в его отсутствии. Затем последовало закрытое голосование, которым кандидатура г. Юпатова признана желательной по большинству 100 голосов против 5 при 9 воздержавшихся.

При обсуждении вопроса о кандидате на должность инспектора русских основных школ, нынешний инспектор И.А. Платер произнес большую, богатую содержанием и очень интересную речь о состоянии русской школы, ее ближайших перспективах, о работе и положении народных учителей и о роли инспектора школ. Речь эта заслуживает быть напечатанной, как очень важный исторический очерк. Впечатление она производит сильное и довольно безотрадное. За $3^1/_2$ года своей деятельности г. Платер пережил и перечувствовал, очевидно, не мало.

В заключение, по предложению Ф.А. Эрна, постановлено обратиться к депутатам Сейма и к Русскому Отделу с просьбой о защите Ломоносовской гимназии.

(№ 79, с. 3)